

Дмитрий
Захаров

КРАСНЫЙ

ЖАБ

Дмитрий Захаров

Красный жук

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Захаров Д.

Красный жук / Д. Захаров — «Э.РА», 2015

Крупницы уникальной сыворотки наделяют людей сверхъестественными способностями, но лишают их зачатков нравственности. Неуловимые зомби, не помнящие своей истории, осаждают небольшой городок на юге России. Их задача – получить запасы бесценного препарата. Остановить безжалостных убийц может только доброволец, привитый смертельной вакциной...

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Захаров Д., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Захаров

Красный жук

Часть 1

Санкт-Петербург. Кронверкский проспект. 15 апреля. 11.45. Утро.

Нынешняя весна выдалась необычайно теплой для апреля. За несколько дней солнечные лучи сожгли остатки талого снега, ноздреватые кусочки льдистого крошева робко жались возле тенистых стен домов. Вдоль парапета с веселым журчанием неслись потоки мутной воды, в лужах барахтались забияки воробьи, а голуби раздували могучие сизые груди и томно урчали. Влажные пролежни стылой мороси быстро высохали, оставляя на асфальте седые пятна. Воздух пах стальной, бесполой вязкостью и древесной корой. Неизвестно почему, но каждый год, именно такие запахи накрывают северный город холодными стальными ладонями.

Две девушки, взявшись за руки, перебежали, дорогу, возмущенно сигналил красный «ниссан микро», тормоза издали протестующий визг, из-под колес брызнули потоки грязной воды. Девушки дружно расхохотались. Одна, рыжеволосая, с веснушчатым лицом, будто перцелованным солнечными лучами, другая смуглая, чернявая, похожая на цыганку. Звонкий смех рассыпался в воздухе, как небрежно раскиданные золотые монеты.

Сергей проводил девиц угрюмым взором, поднял лицо к небу, в носу противно зачесалось, он дважды чихнул.

– Будьте здоровы, ваше сиятельство! – ухмыльнулся Павел, извлек из пакета поллитровку, и водрузил ее на ребристую скамью.

Громыхнула пушка на Петропавловской крепости, девчушка восторженно хлопнула в ладоши, стая голубей сорвалась с места, подняв кучу пыли.

– Хорош дуру гонять! Насыпай!

– Сию секунду! Снежки не успеют коснуться ваших ресниц, сударь!

В прошлом Павел Горовиц являлся писателем, и речь его изобиловала необычными оборотами. От былого величия сохранились завидная, иссеченная седыми нитями шевелюра, вычурная речь, и персональный стограммовый стаканчик, который он всегда носил с собой. Сергея подчас раздражала манера собутыльника обращаться к окружающим на «вы», но Павел ему нравился. Разум он не пропил, а наблюдательности бывшего литератора можно только позавидовать. Однако нынешнее похмелье не располагало к светской беседе. Вот и сейчас литератор проводил девушек задумчивым взглядом, провел ладонью по шевелюре.

– Некоторые сцены из нашего быта напоминают фрагменты усеченной киноленты. Видите двери офиса, куда направили стопы эти юные девы? Нынче там находится помещение антикварного салона. Ума не приложу, что таким прелестницам делать в лавке старьевщика?!

– Спят с директором!

– Как это спят?! – опухшее лицо писателя негодуя скривилось. Будто лимон сжевал.

– Тебе рассказать, как именно они это делают? Одновременно или соблюдают очередность? Я бы на его месте выбрал рыженькую...

– Стыдоба! Она годится вам в дочери, сударь! Но я не о том. Итак, в том самом здании раньше находилась чебуречная. Весьма демократичное место, ваш покорный слуга отведывал там лучший чанах, на всей Петроградской стороне! Это нынешние буржуи коверкают русский язык, называя чудесное кавказское блюдо во множественном числе – «чанахи»! Ни в коем слу-

чае! Только чанах! А какую там подавали водочку! – он мечтательно пожевал тонкими винными губами.

– Если немедленно не нальешь, я тебе шею сверну! – Сергей одарил собутыльника широкой улыбкой.

– Грубо, но информативно. Вам следует избавляться от казарменных привычек, сударь! – Павел осуждающе покачал головой, обезглавил бутылку, и плеснул в стакан. – Дай Бог! – он смиренно опустил глаза, и перекрестил содержимое.

– Поехали! – Авдеев поднес стаканчик к губам, в нос шибануло резким сивушным запахом, рот наполнился слюной. – Дешевая дрянь! – судорожно сглотнул, опрокинул в рот горчичную жидкость, закашлялся.

– Первый блинок комком, как говорят в народе... – литератор услужливо пододвинул бутылку с минералкой. – Прошу вас, мсье коллонель!

– Это еще что за хрень? – мужчина вытер губы, жаркое тепло благодарно разлилось по пищеводу.

– Вы – боевой офицер, а не знаете простых вещей! Воинское звание во французской армии. Вроде нашего полковника.

– Перегнул палку, классик! Я – бывший капитан...

– Говорят, бывших офицеров, алкоголиков и уголовников не бывает!

– Врут! – Сергей извлек из пачки сигарету, щелкнул колесиком зажигалки, с наслаждением выпустил изо рта колечки голубого дыма.

– Забавная вещица... – Павел держал стаканчик двумя пальцами, большим и безымянным, а мизинчик отставил в сторону, отчего стал похож на манерного гомосексуалиста.

– Подарок.

– Много раз хотел спросить у вас, господин Авдеев. Что начертано на сем подарке?

– Ничего особенного... – мужчина стянул куртку, и подставил лицо скупым лучам северного солнца. Кривой причудливый шрам на скуле, похожий на келоидный рубец порозовел. Горюлиц с уважением посмотрел на узловатые груди мускулов, вздувшиеся под тканью футболки.

– Вы не похожи на обычных россиян, мон шер... И уже тем паче на нашего брата, пропойцу. Я все-таки – писатель. Богатое воображение, широкий кругозор, умение видеть незаметные для окружающих граждан вещи. Вы не вписываетесь в привычный формат. Для военного чересчур умны, для интеллектуала недостаточно образованы, прошу извинить мою фамильярность. Я видел, как вы мастерски отключили трех brutальных кавказских джентльменов. Такими приемами не владеют боксеры или борцы. Вы вот давеча пообещали свернуть мне шею, и я поверил сей угрозе! Вы больше похожи на персонаж американского комикса, нежели на стандартного гомо сапиенса.

– Извини, Паша! – Сергей улыбнулся. У него было жесткое, даже жестокое выражение лица. Серые узко посаженные глаза хищника, цепко, исподлобья следящие за собеседником. Свернутый на бок нос – юношеская влюбленность в бокс, мускулистая шея, и раскачанная трапеция, вызвала невольные ассоциации с носорожьим загривком. Но улыбка производила обезоруживающее впечатление. Возле глаз собирались веселые морщинки, белые зубы сверкали так заразительно, что немедленно хотелось рассмеяться вместе с ним, и даже запросто хлопнуть здоровяка по плечу.

– Извини, – повторил мужчина. – Похмелье сегодня нешуточное, трясет с утра. На, погляди, если хочешь! – он протянул зажигалку.

Павел поднес ее к глазам. Обычная выдавшая виды металлическая зажигалка, с затертыми краями, и глубокой ямкой на боку. Каллиграфически выедены крохотные буквы. Писатель близоруко прищурился, но Сергей отобрал зажигалку.

– Там ничего особенного не написано. Побереги глаза для создания будущих шедевров, братишка!

– У меня нет будущего, герр капитан!

– На зарекайся.

– Какой уж тут зарок?! Я – весь в прошлом. Не человек, а тень. Смешно сказать, но на меня даже бродячие псы не лают. А вот глядя на вас, я вижу большую, драматическую историю в недалеком будущем. Люди вашей породы способны изменить историю!

– Круто загнул!

– Дефект на зажигалке – след от пули? – Горовиц пытливо всматривался в лицо собеседника.

– Догадливый! – усмехнулся мужчина. – Наливай, остывает...

– Вы не похожи на обычных людей, Серж! – убежденно повторил писатель. – Я хотел бы написать о вас книгу.

– Валяй! – мужчина равнодушно пожал широкими плечами, и выпил водку. Вторая доза прошла значительно легче предыдущей, в голове приятно зашумело. Сергей рассеянно смотрел на голубей, гарцующих по черному газону. Птицы расхаживали промеж обломков ледяного крошева, гортанный клекот напоминал приглушенное урчание слаженного двигателя. Он закрыл глаза, и погрузился в сладкую дрему. Свежий ветер ласково ерошил упрямый ежик коротко стриженных волос. Павел развивал фабулу предстоящего романа, нанизывал вымышленных персонажей, как опытный рыболов лещей на кулан. Сергей его почти не слышал. Услужливая фантазия перенесла его в выжженную солнцем пустыню. Раскаленный песок, едкий пот затекает под засаленный воротник. Он вжимается в землю, как заправский пластун, в сотне метров зияет черное жерло пещеры, оттуда мерно, с завидной методичностью стреляют из «Калашникова». Рядом лежит Володя Лоренц, у него ранена нога, бурая кровь смешалась с песком, окрасив почву ржавой окалиной. Он тяжело дышит, бледное лицо покрыто крупными горошинами пота, ресницы дрожат, парню долго не протянуть. Похоже, пуля угодила в магистральную артерию. Сергей перетянул ему бедро своим ремнем, бьющая ручейком кровь теперь медленно истекает на землю. Если Лоренц потеряет сознание, до припаркованного на обочине джипа, под градом пуль сто килограммовую тушу напарника не дотащить. Прикончат обоих. И тогда колбу заберут «лешие». Жутковатые субъекты, носятся быстрее джейранов. Мосластые, черные, заросшие густой бородой, глаз почти не видать. Возникают словно джины из песка, и так же резво исчезают прочь. Но стрельбу ведут обычные наемники. Местный спецназ, или нечто подобное. Сели на хвост возле базы. Володька заодно с колбами прихватил из сейфа чипы, запечатанные в термостойкую упаковку. Зачем он это сделал, одному демону пустыни ведомо, но за ними немедленно увязалась погоня. Сергей нащупывает герметичный пакет. Две небольшие колбы, а чипы рачительный Лоренц спрятал себе в карман. Пустая затея. Володя подмигнул, он держится из последних сил.

– До дороги пятьдесят метров... Семь секунд бега, за холмом они тебя не достанут. Пока я не отрубился, прикрою. Беги, иначе оба здесь пропадем! – он сморщился от боли, и подтянул ремень автомата.

– Толково придумано, – кивнул Сергей. – Но не пойдет!

Одним рывком, будто на тренировке, он взвалил Лоренца на плечо, вскинул автомат, вскочил на ноги, выпустил очередь в сторону пещеры, пули взбили в песке веселые барашки. На краткое мгновение, «Калашников» кашлянул и захлебнулся. Менять рожок нет времени. Авдеев рванул в сторону черной полоски шоссе. В полусотне метров застыл старенький зеленый джип. Боковые колеса занесло песком, поржавевшие стойки тускло блестят на солнце. Он бежал так быстро, как никогда раньше. Еще два десятка метров, и они исчезнут из зоны обстрела, шоссе закрывает высокий бархан. И в то же мгновение, автоматы преследователей зашлись яростным кашлем, будто стая взбесившихся собак атакует жертву. Пуля ударила в

твердый камень под ногами, осколок впился в икру, но Сергей не ощутил боли. Сквозь заливающий глаза пот, он видел уродливый силуэт джипа, похожий на жука скарабея. До машины оставались считанные метры. Спустя полдюжины горячих, истекающих горьким потом и кровью секунд, он швырнул тело товарища в кузов джипа, и прежде чем нырнул за руль, ощутил сухой, короткий толчок в бедро. Будто тупым концом копья ударили. Это уже было не важно. Взревел мотор, машина сорвалась с места. Несколько минут он мчался на полной скорости, слыша лишь завывание раскаленного ветра над головой, и drobные удары собственного сердца. Затем Авдеев притормозил, оглянулся.

Глаза Лоренца дерзко смотрели в голубое небо, на груди расплылись два крохотных багровых пятнышка. Чуда не бывает. Он хотел спасти товарища, а тот закрыл ему спину, как живым щитом во время бега. Сергей сунул руку в карман, пальцы наткнулись на изувеченную зажигалку. Случайность – удел любимцев богов! Пуля «Калашникова» пробивает стальной рельс, вероятно кусок мягкого металла срикошетил, изменив ее направление, и сберег жизнь хозяина. Резкий сигнал рации заставил мужчину вздрогнуть, во рту застыл привкус меди, словно он лизал пятак.

- Слушаю...
- Был шум?
- Нарвались на охрану, Лоренц мертв.
- Колба у вас?
- Так точно!

Зависла короткая пауза, затем голос дрогнул, словно невидимого собеседника дернули за рукав.

- Ты видел «леших»?
- Их пустили по нашему следу, когда обнаружили пропажу.
- Ясно... – голос пустой, безразличный, словно разговор шел о самых обыденных вещах, как планы на предстоящие выходные, или грядущее повышение цен на бензин.
- Вы оторвались от них?
- Иначе бы мы сейчас не разговаривали!
- Не горячись, капитан! Жду в условленном месте, через тридцать минут.
- Буду через двадцать.
- Конец связи!

Авдеев закрыл ладошкой Лоренцу глаза, вывернул руль, джип покати́л по пустынному шоссе. Высоко в небе, как две смазанные точки объявились вороны падальщики. Машина неслась по дороге, вдоль обочины простиралась вечная желтая пустыня, и вздымая кучи седого песка, следом мчались неуловимые черные тени...

– Вас будет интересно описывать, дружище! – бархатный голос литератора оторвал от тягостных воспоминаний. – Сколько вам лет? Не больше сорока пяти, я полагаю?

- Угадал. Сорок четыре.

Мелодичный звонок вывел человека из состояния хмельного оцепенения. Сергей кинул быстрый взгляд на дисплей, номер не определен. Последние месяцы ему звонили крайне редко. Бывшие приятели приняли сторону жены во время развода, судьба армейских товарищей туманна. Говорят, что Володька Сухоруков женился и умотал за границу, Андрей Кузьмин спился, бичует где то на Дальнем Востоке, если вообще еще жив. Костя Павловский живет на Валааме, третий год, послушником. Обычная судьба солдат на гражданке, лишние люди. А он женился на хорошенькой блондинке. Старая как мир история, чудесная красотка оказалась стервой. Хорошее дело браком не назовут! Трехгодовалый союз закончился разделом его уютной квартирки на улице Правды, и рождением очаровательной зеленоглазой Ангелины. На суде жена блажила как истеричка, демонстрируя синяки и ушибы, хотя он ее ни разу даже пальцем не тронул. Чести ради, следует признать, что ее ухажеру пришлось сломать кисть в двух

местах. Получилось автоматически, сработал условный рефлекс, когда напомаженный будто гламурный индюк культурист, схватил его за плечо. Конечно, он был пьяным. Всего лишь хотел поговорить с дочкой. А бывшая супруга не вышла из комнаты. Сидела там и дрожала. Женщина так и не могла простить ему неосознанного страха, что всякий раз испытывала перед собственным мужем.

«Прошу тебя, чаще улыбайся...» – она заискивающе смотрела в медвежьи глаза. – «Когда ты улыбаешься, мне не так страшно».

Сергей жестом остановил поток писательского красноречия.

– Говорите!

– Господин Авдеев?

– Нет! Это – Эрнст Кальтенбруннер.

– Шутите... Это хорошо. Чувство юмора вам не мешает.

– Что надо?!

– Не советую грубить. Мы хотим предложить неплохую работу.

– Мне не нужна работа. Весна, тепло, девушки гуляют...

– Вам нужна работа, – веско произнес незнакомец. – Хотя бы для того, чтобы оплатить судебные издержки и жилье. Иначе вы не сможете видеться с дочерью.

Сергей задумчиво ударил сбитыми костяшками по скамье.

– Вы неплохо осведомлены.

– Работа такая. Не хочется тратить время, излагая биографию бывшего опытного диверсанта, а ныне спивающегося бездельника.

– Звучит как строчка из протокола общественного суда. Вы намерены читать мне мораль?

– Упаси Бог! Попросите об этом вашего друга писателя, господин Авдеев, он в настоящий момент наливает водку в стакан... – незнакомец дружелюбно засмеялся.

Сергей не двинулся с места. Со стороны можно подумать, что человек вальяжно раскинулся на скамейке, облокотившись на спинку. Лицо безмятежно, мускулы расслаблены, трубка прислонена к уху, глаза полуприкрыты. Обычный городской лоботряс радуется теплому деньку! Но то было обманчивое впечатление. Мужчина осмотрел окрестности с деланной ленцой. Он отмел женщин, гуляющих с детьми, двух старичков на скамеечке, и пузатого господина, одетого в длинное бежевое пальто из верблюжьей шерсти. Утренний час, будний день, в парке пустынно. Дорогу пересекли парень с девушкой. У мальчишки в руке банка пива, девица похожа на белочку. Влажные карие глаза, пушистый рыжий хвостик, желтая курточка. Они уселись на скамейку, парень достал сигарету, закурил, девчонка хлопнула спутника по руке, окурок выпал на землю, оба рассмеялись. Горовиц восседает спиной к воротам, следовательно, увидеть то, как он наливает водку в стаканчик, можно только со стороны сквера, и парковочной площадки. Люди, находящиеся в поле зрения, исключаются, следовательно, наблюдатель находится в автомобиле. Там припарковано пять машин. Не так много для полудня. С тонированными стеклами три. «Фольксваген» плотно прижался передним бампером к решетчатой чугунной ограде, его можно также исключить. Для того чтобы быстро покинуть пост наблюдения, придется совершить разворот в два приема. Остаются два автомобиля. Черный шевроле с заляпанной синей глиной порогами, и голубой «ниссан кашкай». Шевроле. Вне всякого сомнения. До него метров сто – сто двадцать. Хорошее место для наблюдения, учитывая тот факт, что по утрам в парке малоллюдно. Вероятно, приехал из области. Такого цвета глины в наших краях не сыскать, хотя нельзя исключать, что это ловкий трюк. Заметные детали отвлекают внимание. Опытные диверсанты часто использовали для работы красивых девушек, или напротив, ярких, приметных людей. Рыжих, толстых, с дефектом на лице, и тому подобное.

Все это пронеслось в сознании человека за несколько секунд. Он усмехнулся в тон собеседника, и неторопливо, будто пробуя слова на вкус, проговорил.

– Черный шевроле тахо. Назвать номера?

– Бинго! – воскликнул незнакомец. – Я в вас не ошибся. Талант не пропешь, поздравляю!

Сергей поднял стаканчик на уровень глаз, как бы приветствуя невидимого собеседника, и неторопливо осушил содержимое. Павел непонимающе переводил взгляд с собутыльника на автомобиль.

– Может быть, вы мне объясните...

– Авдеев поднял широкую ладонь, писатель запнулся.

– Излагайте, что вам надо. Ничего не обещаю, но готов выслушать.

– Записывайте адрес.

– Говорите. Я запомню...

Незнакомец быстро продиктовал адрес, назначил время одиннадцать утра завтра, и прежде чем отключится, внушительно добавил.

– В ваших интересах, Сергей Матвеевич, явиться трезвым. Ну, вы меня понимаете...

– До связи! – Сергей нажал отбой, и протянул стакан растерянному литератору.

– Налей еще сто грамм, Паша, и на сегодня хватит! – он пару минут размышлял, глядя на зреющую в стаканчике водку. Солнечные крупички полоскались в прозрачной жидкости как беззаботные рыжие львята. Затем достал из кармана монетку.

– Орел или решка?

– Нелепый розыгрыш, господин Копперфилд! – усмехнулся Горовиц. – Я видел шоу с вашим участием неоднократно, и не помню случая, чтобы монета выпала не так, как вы задумали!

– Усложним задачу, – кивнул Сергей. – Пусть будет гурт!

Не дожидаясь ответа собеседника, он щелкнул ногтем по аверсу, денежка звякнула, перекувырнулась в воздухе десятки раз, стукнулась об асфальт, завертелась юлой. Павел зачарованно смотрел на монетку, как мальчишка в цирке, широко открыв рот. Металлический кругляшок несколько раз обернулся вокруг собственной оси, и застыл, балансируя на узком гурте.

– Фу ты черт! – выдохнул писатель, бегло перекрестился, и залпом выпил спиртное.

– Судьба... – едва слышно прошептал Сергей, и решительно отодвинул початую бутылку. Пить ему больше не хотелось.

* * *

Черный «шевроле» неторопливо выкатил с парковочной площадки, и скрылся за ближайшим поворотом. Аккурат возле того самого антикварного салона, где раньше подавали легендарный «чанах». Скорее повинувшись выработанному годами автоматизму, Авдеев зафиксировал в памяти номер машины. Хлопнула дверь, из салона выскочили девушки, и весело переговариваясь зашагали по проспекту.

– Наши умозаключения оказались ошибочны, дорогой классик! – улыбнулся Сергей. – Девушки не спят с директором этого магазина.

Он потянулся всем телом, хрустнули позвонки, затекшие мышцы налились силой. Впервые за последнее время у него было хорошее настроение...

Ставрополь. Институт молекулярной биологии.

– Сколько единиц препарата содержит последний образец сыворотки?

– Десять-двенадцать миллионов...

– Почему неточные данные?

– Наверняка сказать трудно. Вещество нестабильно. Мы даже не уверены можно ли применять к препарату PL-14 привычную схему расчетов. Не пенициллин все-таки...

– Не дерзите, господин Травкин! Знаете такую поговорку, свято место пусто не бывает!

Высокий мужчина покраснел как девушка, судорожно снял очки, и принялся протирать стекла подолом своего безукоризненно чистого халата. Он всякий раз тушевался, общаясь с этим чиновником. В противовес атлетически сложенному ученому, тот был маленький, щуплый, с бледным, изъеденным оспинами плоским лицом. И фамилия у него созвучна с внешностью – Хорьков, и в профиль гражданин Хорьков напоминает сушеную воблу. И тесный костюм, сшитый по моде 19 века, делает его фигуру похожей на Чичикова. Острый круглый живот выпирает из-под наглухо застегнутой жилетки, плечи узкие, грудь впалая. Но была в нем сокрыта некая внутренняя сила, привычка повелевать, отчего сухие, рубленные фразы, превращались в догматические изречения. Вероятно, такие люди и становятся дикторами, а спустя десятилетия, благодарные потомки облачают их в образы романтических героев. Недаром, Иван Грозный был хромым, Распутин плюгавым мужичком, и Петр Алексеевич Романов при росте две с лишком метра, носил обувь тридцать пятого нынешнего размера. Магия властителей преображает невзрачных приматов в величественных мужей.

– Прошу прощения, Роман Аркадьевич! Я и не думал вам грубить. Но проект весьма трудоемкий, мои люди работают без выходных...

– Это похвально, – смягчился чиновник. Он потрогал пальцами безукоризненно твердый узел галстука, повязанный так крепко, что при случае, его хозяин мог без хлопот удавиться. – Мы тоже не казенные чинуши, как это может показаться. В случае положительного результата испытаний, все сотрудники лаборатории будут премированы, а вы лично, Алексей Семенович, можете рассчитывать на высокую должность. Не говоря уж квартире в столице, и прочих привилегиях.

– Спасибо, господин Хорьков! Больше спасибо... – гигант часто кланялся, словно вернулись времена рабовладельческого строя, добрый барин сулит крепостному вольную. Он даже стал меньше ростом. Чиновник высокомерно наклонил плешивую голову.

– Благодарить потом будете. А пока, необходимо первые образцы сыворотки отправить в Москву.

– Это непросто сделать... – комкал слова Травкин.

– В чем дело?! – Хорьков уже намеревался покинуть лабораторию, но последние слова ученого заставили его остановиться. Он надменно поднял бровь. – Почему непросто сделать?!

– Это трудно объяснить. Период распада действующего вещества очень недолог. Пятьдесят минут во враждебной среде.

– Что вы понимаете под враждебной средой?

– В воздухе PL-14 окисляется, в герметичной среде споры быстро гибнут, потому что им требуется кислород. Замкнутый круг!

– Чутье какая! Как же вы его фиксируете?

– Мы подобрали редкий физиологический раствор, наподобие плаценты. Искусственно насыщаем его макрофагами, кислородом и питательными веществами. Эндометрии, столь богатые гликогеном требуют поддержания стабильного атмосферного давления и температуры...

– Советую перейти на родной язык! – властно перебил ученого Хорьков.

– Слушаюсь. Проще говоря, транспортировка препарата на данном этапе крайне нежелательна. Самолет исключен – в салоне пониженное давление. В поезде или на автомобиле не избежать вибрации, мы не можем знать наверняка, как это скажется на сыворотке.

Чиновник подозрительно покосился на Травкина.

– И что вы предлагаете?

– Обождать... Я проведу еще серию тестов, возможно следующий образец PL-14 окажется стабильнее предшественника.

– Возможно... – как эхо отозвался Хорьков. Он равнодушно скользнул бесцветными рыбьими глазами по сверкающим стерильной чистотой никелированным шкафам, провел пальцами по стеклянным колбам, выстроившимся в ряд, как новобранцы на военном параде. Ученый старался не дышать, благоговейно взирая на высокого гостя. Чиновник смерил его громоздкую фигуру презрительным взглядом. Парень больше похож на киноактера в малобюджетном американском фильме, чем на гения! Широкие плечи, смуглое лицо, густые черные волосы без намека на седину. Напоминает Джона Траволту, только глаза прячет, словно деньги украл. Такому место на пляже, а не в скучной лаборатории! В классическом понимании, настоящий ученый должен выглядеть как замызганный сварливый старикашка, с дрожащими пальцами, и засаленными лацканами, усыпанными перхотью. Впрочем, это не важно. Мальчишке от силы сорок лет, а он уже является автором сенсационного препарата. Причем найденным дедовским методом, в провинциальном институте города Ставрополя. Сюда вроде и субсидии давно не поступают, люди работают на голом энтузиазме! Такое изыскание запросто тянет на нобелевскую премию, но едва ли оно станет достоянием общественности. Нечто подобное уже делали американцы, но безуспешно. Истинно говорят, земля русская богата талантами! Разработки уже засекречены, Москва с нетерпением ждет первых образцов сыворотки. Надо что-то предпринять...

– Ладно, – прервал затянувшуюся паузу чиновник. – Скиньте мне результаты последних опытов на почтовый ящик. Что-нибудь придумаем, – он протянул тонкую ладонь, Алексей пожал ее с великой осторожностью, рука Хорькова на ощупь напоминала остывшую сардельку, и утонула в огромной горячей лапе ученого.

– Слушаюсь! – чеканил он как в армии. – Немедленно вышлю.

Чиновник не оборачиваясь, вышел в коридор, Алексей только сейчас заметил, что при ходьбе тот слегка прихрамывает. Как Иван Грозный или лорд Байрон. Он подождал, пока шаги стихнут, и только после этого вышел следом.

Из окон лился безудержно яркий солнечный свет, весна в Ставропольском крае подчас бывает не менее жаркой, чем лето. Травкин достал сигарету, щелкнул колесиком зажигалки. Он ненавидел себя за эту рабскую покорность, всякий раз возникающую при встрече с господами подобного рода. Выдохнул колечко дыма, внимательно проследил за растекающимся в пыльном воздухе голубым облачком. Неприятно зудела губа, мужчина тронул пальцем подсыхающую простуду, и тихо выругался матом, что делал крайне редко. Идея возникла неожиданно. Как озарение. Он даже вскрикнул. Из соседней двери выскочила аспирантка Люда – недавняя выпускница университета, всеобщая любимица, умная, старательная девочка. Она ворковала над толстой крольчихой. Молодые ученые окрестили животное Самантой. Жирная, неуклюжая крольчиха выжила в результате действия сыворотки, и приобрела нетипичную для миролюбивых зверьков злобу. Она смотрела сквозь прутья решетки на окружающих круглыми глазами, и скалила плоские зубки. В настоящий момент Люда пыталась кормить непокорную крольчиху.

– Алексей Семенович! Что случилось?!

– Как чувствует себя Саманта?

– Очень агрессивная. Едва не откусила мне палец! – на щеках милой девушки играли чудесные ямочки. Мужчина смущенно отвернулся, свою увлеченность аспиранткой он будто школьник скрывал за небрежной грубостью, и плоскими остротами.

– Может быть, уколоть ее транквилизатором?

– Еще не хватало! Предложите ей водочки налить в мисочку. Вы что-то хотели спросить, шеф? – девушка кокетливо поправила русый локон.

– Черт возьми! Черт возьми!!! – спохватился ученый. Как ему это сразу в голову не пришло?! Он кинулся было немедленно догнать чиновника, но усилием воли притормозил свой порыв. Колечко дыма медленно расслаивалось, оставляя рваные клочья сизого тумана.

– Люда! У меня к вам просьба. Немедленно возьмите пять миллиграмм опытного вещества, и смешайте с образцами плазмы крови.

– Какой крови?! Мы прививали вещество крысам, кроликам, почти все сдохли, только Саманта живет, и еще две крысы. Вы ведь сами знаете...

– Вот видите! Из двадцати особей трое животных здоровы, и прекрасно себя чувствуют. Черт побери! Делайте, что вам говорят. Хоть бы у меня наберите крови в пробирку! – он швырнул недокуренную сигарету в ведро, быстро закатал рукав халата, обнажил мускулистое загорелое предплечье, и кинулся в помещение, едва не сбив с ног миниатюрную девушку. Заразившись энтузиазмом шефа, Люда сорвала упаковку с одноразового шприца, выхватила из шкафчика пузатую склянку, в ноздри ударил ядреный запах спирта.

– Будет немного больно! – улыбнулась девушка, пухлые губы чуть дрожали.

– Колите! – прорычал ученый.

– Колю! – тонкая игла впиалась в вену, прозрачная колба наполнялась алой жидкостью.

Крупницы сигаретного дыма рассеялись не оставив следа, и только опальная взвесь кружилась в солнечных лучах, как невидимые волшебные пушинки. Сочная южная весна ликует на улице. Месяц апрель – юноша – безумец с огненной шевелюрой, и румяными щеками. Апрель – пора любви, надежд и великих открытий! Новая эра, новая эпоха, новая жизнь...

Пожилая уборщица выносила мусор через черный ход института. Это являлось нарушением мер секретности, все отработанное сырье надлежало запечатать в специальные емкости и сжигать. Но инструкции создаются для того, чтобы их нарушали. Женщина бросила два черных полиэтиленовых мешка на обычную помойку, и равнодушно оглядев залитый солнцем пустырь, захлопнула за собой дверь. К отбросам тотчас устремился бродячий рыжий пес. Собака осторожно протянула к пакетам черный нос, едко пахло формалином, известью и еще чем-то гадким, несъедобным. Пес рванул зубами пакет, сквозь прореху на землю посыпались одноразовые стаканчики, остатки еды, битое стекло, и пластиковые шприцы со следами мутных пузырьков на колбах. Неприязненно косясь на шприцы, собака жадно лизала засохшую мясную подливку. Громкие шаги заставили бродяжку зарычать, черная губа обнажила сточенные желтые клыки. Пес поджал облезлый хвост, и убежал в сторону пустыря.

Двое молодых парней подошли к свалке.

– Глянь, Артур, сколько баянов! Расточительная халатность, как базарят в новостях.

– Это отбросы из института, б...! – выругался худощавый черноволосый парень, по виду кавказец. – Там любая зараза может быть...

– Зараза к заразе не пристаёт! – хмыкнул белобрысый мужчина. У него на лбу зрело багровое родимое пятно, из-за выбитого переднего зуба, человек шепелявил, сглатывая шипящие согласные. – Готовь централ, братишка! – человек подобрал с земли относительно чистый шприц, сдул с иглы невидимые крошки пыли, уверенно закатал рукав грязного свитера.

– Я – пас! – Артур брезгливо покосился на мутные пузырьки в колбе. – Пошли в аптеку, Кашей, купим новый баян.

– Если хочешь, сам топай в аптеку, – решительно отрезал мужчина. – Мне не резон в центр города на ломах тащиться!

Он небрежно сунул в карман несколько пустых шприцов, присел на корточки, достал столовую ложку, в руках запыхал синий огонек зажигалки.

– Сейчас, сейчас...

На черенке закипала бурая смесь, губы белобрысого дрожали, по лбу катилась струйка пота.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий бэби... – прогнусавил он строчку из песни.

– Ну тебя на х..., помоечник! – Артур сплюнул себе под ноги, зашагал по направлению к автобусной остановке.

Солнце стояло почти в зените. Рыжий пес внимательно следил из зарослей колючего кустарника. Он видел, как человек, вонзил острое себе в вену, рука с рубинчиком крови на коже безвольно откинулась, шприц покатился на сухой землей, алые губы исказила кривая ухмылка. Казалось, это смеется клоун, только красное родимое пятно на иссиня-бледном лбу выглядит как чернильная клякса на листе бумаги. Собака тихо зарычала, повинувшись инстинктивному влечению, потрусил прочь. Через несколько минут, пес забыл и про свалку, и про бледного человека. Говорят, собаки не могут помнить отдельные события больше пяти минут. В памяти животного сохранился лишь жутковатый запах, который исходил от незнакомца. Запах смерти...

Двенадцать часов до начала операции «Красный жук». Москва. 10.35. 8 управление Генерального штаба Российской Федерации.

Кондиционеры работали на полную мощность, но в просторном кабинете было душно. Спайки сигаретного дыма застыли неподвижно под потолком. Несколько мужчин не отрывали глаз от большой плазменной панели, висящей на стене. Съемки отличались скверным качеством, но зрители старались не дышать. На экране, заурядного вида лысеющий мужичок пятидесяти лет с гаком подтягивался на перекладине. Люди смотрели видео уже полчаса, и до сих пор никто не проронил ни слова. Человек на экране продолжал физические упражнения, губы собравшихся возле экрана людей шевелились, считая повторения.

– Фу, дьявол! – первым нарушил молчание приземистый коротышка с генеральскими погонами. – Я сбился со счета! – он сидел во главе длинного стола. Перед ним красовался массивный серебряный подстаканник, чай в емкости давно остыл, но мужчина машинально помешивал ложечкой бурую жидкость. Рядом стояла небольшая табличка, из которой следовало, что обладатель чудесного подстаканника, не кто иной, я а генерал-майор, Павлов Андрей Петрович, собственной персоной.

– Четыреста двадцать пять раз. – бесстрастно сообщил высокий мужчина. Его продолговатое лицо украшали седые полубаки.

– Неплохо, – сдержанно ответил генерал. – И что дальше?

– Потом он начнет отжиматься, приседать...

– Довольно. Что помимо физических упражнений?

– Сексуальные контакты. Двенадцать актов за шесть с половиной часов.

– Подвиги Геракла! – усмехнулся генерал. – А как насчет интеллекта?

– Быстрота реакции, скорость принятия решения невероятно высоки. Содержание стволовых клеток на уровне эмбриона. На момент эксперимента испытуемому пятьдесят четыре года, – седой мужчина притянул к себе чашечку с кофе. – Данную запись делали американцы, у нас видео оказалось случайно.

– Неплохая «случайность!» – сдержанно улыбнулся плешивый грузный мужчина.

– Благодарю. Деньги налогоплательщиков не расходуются впустую, Борис Наумович!

Толстяк неопределенно пожал плечами.

– Продолжайте, господин Марков!

– К вашим услугам. Итак. Наши американские коллеги тестировали десяток добровольцев. Преимущественно старшей возрастной группы. Самому младшему участнику группы было сорок семь, старейшему шестьдесят три года. Нам удалось получить видео запись только одного участника эксперимента.

– Индекс смертности? – спросил крепкий мужчина с бритой наголо головой.

– Вас интересует медицинский аспект, господин Еременко. Это понятно. Индекс абсолютный. Дольше всех прожил чернокожий парень. Его показатели до использования препарата

были лучше, чем у остальных. Давление, кардиограмма, уровень холестерина и сахара крови, все безукоризненно. Бывший спортсмен. Он прожил семьдесят шесть часов.

– Причина смерти?

– У всех без исключения сердечная недостаточность. После вскрытия, сосуды сердца оказались изношены, как у столетних старцев.

– Вот тебе и ответ! – генерал Павлов хлопнул ладонью по столу. – Не могу понять, на что вы рассчитываете, Иван Сергеевич? Американцы – парни дотошные, вряд ли бы они свернули эксперимент, кабы имели шансы на успех! Насколько я понимаю, этому видео лет десять?

– Одиннадцать! – вежливо наклонил седую голову Марков. – Вы правы, Андрей Петрович. Но фармакология развивается весьма стремительно. Только безумцы могут делать ставки на ядерное оружие, кому охота заражать радиацией собственную планету?

– Избавьте нас от лекции по социологии! – поморщился Борис Наумович. На квадратом бейдже красовалась фамилия Мендель, и инициалы. Он скосил глаза на экран. Мужичок сидел в пустынной комнате, дверь распахнулась, но пороге объявилась грудастая черноволосая женщина в прозрачных трусиках. – Надеюсь, мы не станем смотреть порно?!

– Слушаюсь! – Иван Сергеевич нажал кнопку пульта, видео погасло.

Мендель шумно перевел дыхание, поднес к губам сигарету.

– Прямо универсальный солдат какой-то! – он небрежно усмехнулся, прикурил, пальцы его рук слегка дрожали.

– Не совсем так... – вежливо возразил Марков. – Мы продолжали разработки препарата PL-14, без особой надежды на успех. Важно было исключить ту составляющую, что поражала сосуды испытуемых людей.

– Под воздействием препарата, эндотелий становится хрупким как папиросная бумага, вот несчастные и умирают от инфаркта! – кивнул лысый.

– Среди нас нет медиков, господин Еременко! – резко сказал генерал. – Это ваша работа – суставы ремонтировать.

– Прошу прощения, Андрей Петрович. Эндотелий – это своего рода слой клеток, выстилающих стенки сосудов. Его упругая эластичность изнашивается с возрастом. Неизбежный процесс старения организма. PL-14 вырабатывает ресурс клеток в считанные часы.

– Именно так! – кивнул Марков. – Побочные эффекты препарата перекрывает пользу. Думаю, наши заокеанские товарищи забросили проект по этим причинам.

– Забавно... – Еременко выпустил струйку голубого дыма, и провел ладонью по гладкой лысине.

– Что забавного?! – буркнул генерал.

– Забавно то, что идея создания препарата была опубликована в обычного научном журнале. Статью мог прочесть любой желающий. Потом правда быстро спохватились, материал из печати изъяли, но к тому времени статья стала всеобщим достоянием.

– Похоже на историю с ядерной реакцией! – тихо проговорил высокий мужчина в очках. До сего момента он молчал, с непроницаемым лицом сидел в углу. – Кто автор?

– Наш соотечественник. Некто Райхель. Если я не ошибаюсь, сейчас он проживает в Израиле. – ответил Марков.

– Почему наши спецслужбы не взяли за разработки прежде американцев?

Скулы Маркова побагровели под слоем загара.

– Статья вышла в девяносто восьмом году. Вы помните, какое было тогда время!

– Ближе к делу! – тучный Мендель с видимым безразличием смотрел в окно, но крохотные глазки, излучали неподдельный интерес. – Думаю, вы собрали нас не ради того, чтобы показать это увлекательно кино?

Люди сдержанно рассмеялись.

– Никак нет. Вы правы, Борис Наумович. К делу! – Марков одернул безукоризненно сшитый черный костюм, выложил на стол кожаную папку. Он неторопливо расстегнул золоченые замки, достал изнутри листы бумаги, аккуратно спрессованные в пластиковую обложку. Доктор Еременко следил за манипуляциями человека с таким выражением лица, словно тот извлекал на свет Божий живую гадюку. Мужчина в очках равнодушно чиркнул золотой зажигалкой. Однако ничего страшного в папке не оказалась. Обычная стопка излинованных диаграмм, документов, ксероксов фотографий.

– Ну и что это такое? – сдержанно спросил генерал.

– Разработки наших провинциальных ученых. Новая модификация PL-14. Кодовое название «Красный жук».

– Почему «Красный жук»? – процедил человек в очках.

Вместо ответа Марков выложил на стол линованный лист. На нем была схематично изображена кривая загогулина, отдаленно напоминающая большого майского жука.

– Так окрестили вакцину местные ученые... – тонкие тронула едва заметная улыбка. – Под микроскопом молекула действующего вещества отдаленно напоминает насекомое.

– Вы хотите сказать, что вашим доморощенным спецам удалось то, что не сумели сделать американцы? – Борис Наумович с подозрением глядел на кривую кляксу.

– Почти. Я отдал результаты исследования экспертам. Они утверждают, что модифицированная формула устойчивей классического PL-14 в десятки раз. Более того. В результате испытаний девяносто процентов мышей и свинок умирали в течение пяти-шести суток. Американские животные погибали на исходе третьего часа...

– Другими словами, кабы здоровяка негра укололи нашим «жуком», то он прожил бы не трое суток, а три недели? – генерал медленно перебирал документы.

– Не только это! – Иван Сергеевич, машинально провел пальцами по остриженным бачкам. – По мере усовершенствования сыворотки, продолжительность жизни животных удлинялась, а клинические симптомы угасания оказывались менее выраженными.

Еременко жадно листал бумаги.

– Поразительно! – воскликнул он. – Отечественные ученые восстанавливали эндотелий при помощи тривиального соматотропного гормона! Гениально и просто!

– Что это такое? – генерал недовольно нахмурил кустистые брови.

– Гормон роста. Продается в любом магазине спортивного питания. Совершенно безвреден, если не считать увеличения числа рецидивов герпеса. Чудеса!

– Вы сказали девяносто процентов... – вкрадчиво спросил Мендель. – А что оставшиеся десять?

– Несколько животных еще живы, – просто ответил Марков.

– Насколько долго?

– Более месяца.

– Вот тебе, бабушка, и фунт изюма! – выдохнул генерал. Он грузно поднялся с места, с шумом отодвинул стул, подошел к окну. Несколько минут молча смотрел в тонированное стекло. Солнце скрылось за кучевым облаком, густая серая дымка обволокла крыши домов. Первые, робкие капли дождя оросили сухой асфальт, порыв ветра выюжил ледяную крошку. Ранняя весна – время перелома. Люди молчали, в наступившей тишине было слышно, как шуршат листья, и чуть слышно, себе под нос бормочет лысый Еременко.

– Я должен немедленно сообщить об открытии президенту, – прервал паузу генерал. Он обвел взглядом всех собравшихся. – Я полагаю, нет надобности предупреждать всех собравшихся о соблюдении тайны? И еще... Иван Сергеевич! Все образцы препарата, документы по этому делу, и автор проекта лично, должны быть немедленно доставлены в Москву!

– Это непросто сделать... – тихо проговорил Марков.

– Что значит, непросто?! – возмущенно закричал Еременко. – Да у нас здесь эликсир бессмертия!

Люди возмущенно зашумели, очкарик попытался о чем-то спросить генерала, но его немедленно оттеснил Мендель.

– Объясните, в конце концов!

Мужчина спокойно поднял ладонь.

– Господа! Сейчас я хотел бы побеседовать наедине с Андреем Петровичем! Вы не возражаете?! – он многозначительно посмотрел на генерала. Тот коротко кивнул, распахнул дверь в смежный кабинет, пропустил вперед Маркова. В отличие от официальной приемной, здесь было тихо, по-домашнему уютно. Генерал достал из бара бутылку коньяка, блюдечко с нарезанным лимоном, налил две стопки, указал человеку на кресло, уселся рядом. В неофициальной обстановке его лицо оказалось мягким, морщины на лбу разгладились. Марков расслабил тугий узел галстука, сел в удобное кресло, пригубил из рюмки, удовлетворенно чмокнул губами. Он отер тыльной стороной ладони лоб, словно прогоняя накопившуюся усталость. Пятьдесят шесть лет – не шутка, господа хорошие! Улыбнулся генералу, как старому доброму знакомому. Тот залпом выпил коньяк, немедленно налил еще порцию, сжевал дольку лимона, и только после этого тихо сказал.

– Рассказывай, Ваня, что задумал!

– Какие тут могут быть задумки, Петрович? – лукаво улыбнулся Марков.

– Не тяни жилы из старого товарища! Считаю тридцать лет в одной упряжке. Говори все, о чем ты при этих клоунах умолчал.

Иван Сергеевич допил коньяк, глубоко вздохнул, и начал говорить...

Ставрополь. 21.45. Улица Ольховая.

Дверцы автобуса охнули, с шумом распахнулись, пассажиры спешно покидали салон. Седой мужчина в летнем костюме, воинственно размахивал пузатым портфелем.

– Куда только милиция смотрит! Житья не стало от этих наркоманов!

– Теперь они называются «полицейскими»! – нервно рассмеялась миловидная женщина. Она оглянулась на шофера.

– Товарищ водитель! У вас в салоне необычный пассажир отдыхает! – прижала сумочку к животу, и кивнула в сторону темнеющего массива домов. Я свою остановку не доехала, но лучше уж пешком пройду.

– Кольцо! – глядя в темное стекло, мрачно объявил шофер. – Машина дальше не пойдет! – со стороны можно было подумать, что разговаривает загривок человека, а не он сам. Загривок впечатлял. Маленькая голова, вросшая в могучую шею, мясистые покатые плечи борца. Девушка хотела что-то сказать, но передумала, и вышла на улицу.

– За что только им зарплату платят! – сварливо заметила высокая худая старушка, стукнула палкой по каменному бордюру, и зашагала к простенькому деревенскому домику, почти вплотную прижимающемуся к стальному массиву высоких каменных строений.

Оживленно судача, люди шли по вечерней улице южного города. Рыжие пятна фонарей скудно освещали дорогу. В ставропольском крае темнеет рано даже весной, желтые окна высотных домов горели в темноте как светлячки. Вскоре голоса стихли, до спального района города от остановки было чуть менее километра.

Шофер зевнул, обнажив ряд острых зубов, потянулся всем телом, хрустнули суставы. Он собрался выйти наружу, когда за спиной раздался скрип. Мужчина резко обернулся, нахмурил сросшиеся черные брови, шагнул в салон автобуса. Коренастый водитель напоминал гориллу. Широкие плечи заслонили проход между сиденьями. Первое, что он отметил, едкий мускусный запах. словно в салоне притаилось хищное животное. По спине поползли

острые мурашки. Водитель сжал в кулаке тяжелую «фомку», и двинулся вперед. На заднем ряду виднелся темный силуэт. Похоже, пассажир заснул, разморенный дорожной тряской, и проспал свою остановку.

– Эй, приятель! Пора на выход! – голос шофера оказался под стать фигуре, сочный, жирный, кряжистый.

Пассажир чуть шевельнулся, но не двинулся с места. С грязного кроссовка упал шмат сухой глины.

– Ты что бухой?! – сильное раздражение накатило волной. Мужчина вспомнил недовольный гомон пассажиров. Вероятно, наркоман отключился! Он тихо матюгнулся. Не дай Бог помер... Пиши потом уйму объяснительных! От наркотов сплошные неприятности!

– Раньше их хоть в тюрьму сажали... – с трудом сдерживая гнев, пробурчал он себе под нос. – А теперь, накось выкуси! Дескать, больные люди, спасайте нас, граждане сердобольные!

Его голос разносился по салону автобуса. Мужчина подошел вплотную к спящему человеку. От того разлило потом, грязью немытого тела, и еще чем-то нездоровым, запах похожий на ацетон. Парень жив, но судя по всему, в отключке. Дышит громко, с присвистом, словно больной. Бледное лицо, с уродливым родимым пятном на лбу, слипшаяся русая челка, в сам худой, как черт, скулы черные, будто у араба!

– Подъем, была команда! – шофер в сердцах ударил носком башмака по бедру человека. То, что произошло в дальнейшем, он впоследствии описывал и местному следователю, и районным оперативникам, и даже большой полицейской шишке из Москвы. Серьезный господин приехал из белокаменной лично, и даже принес в больницу пакет с фруктами, чем завоевал сердце простого работяги. Ему водитель рассказывал о своем приключении в красочных подробностях, насколько позволял данный Богом словарный запас. Но это случится позже, а пока он нетерпеливо ткнул наркомана ногой, и ждал, куда тот очухается.

Парень поднял голову, одурманенные глаза налиты кровью. Белков почти не разглядеть, не глаза, а кровавое месиво! Шофер озадаченно покачал головой. Похоже, придется вызывать скорую помощь. Вот ведь незадача! Они доберутся до городской окраины к полуночи, а завтра ему в шесть утра выезжать на трассу! Мужчина нажимал кнопки сотового телефона, мучительно вспоминая номер неотложной медицинской помощи, когда пассажир легко поднялся на ноги, и уставился на шофера окровавленными глазами. В уголках губ закипала розовая пена, вены на шее надулись как синие жилы, черные пятна растеклись лиловыми разводами на коже лба и впалых щек. Клоун, а не человек!

– Ты, приятель, вроде сейчас, окочуришься... – пробормотал водитель. Он слышал про такие вещи. Они часто умирают от передозировки своего поганого зелья. Туда и дорога! Наркоман молча толкнул его в грудь, от удара дохляка, здоровяк шофер отлетел в угол салона, сильно ударившись затылком о стекло.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий бэби... – прогнусавил парень дребезжащим голосом, и оскалил редкие желтые зубы. Будто рассерженная крыса решила закусить свежей человечинкой.

– Вот, чума! – выдохнул мужчина, замахнулся увесистой фомкой, и бросился вперед. Веса в шофере добрый центнер, а в армии он мог пятнадцать раз сделать выход силой. Его побаивались товарищи, зная тяжелую руку, и вспыльчивый характер. Худой как скелет парнишка выглядел на его фоне тощим недомерком. И иначе как действие наркотического дурмана нельзя было объяснить то, что произошло в следующий миг. С отвратительной ухмылкой на красных губах, обнесенных простудой, пассажир играючи перехватил кусок железа, вырвал из рук нападавшего, и коротко ударил богатыря кулаком в грудь. Водитель охнул, и осел на четвереньки. Парнишка бил без размаха, а в грудную клетку, словно лошадь лягнула. Далее он швырнул фомку в окно. Кусок металла просвистел в воздухе, стекло разбилось на сотни мелких осколков, усыпав дно салона искрящимся хрусталем.

– Хороший кайф... Верно, корешок?! – наркоман нагнулся к человеку. Алая пена на губах, налитые кровью глаза, и едкий запах химических реактивов. И все-таки водитель оказался мужичком не робкого десятка. Он вскочил на ноги, нанес сокрушительный удар в скулу противника. Просто, сильно, размашисто, как в старину дрались на свадьбах. От такого удара на задние ноги оседают годовалые телята, но у парня лишь отшатнулась голова, как на шарнирах, и кровавистая жижа забрызгала сиденья.

– Молодчик... – прошипел человек, вмазал ребром ладони по шее шофера, а затем дважды, коротко, сильно, страшно по голове, и в завершении ногой в живот. После всего, равнодушно перешагнул через бездыханное тело, насвистывая мотивчик, вышел на улицу.

Звезды украсили черный небосклон игольчатыми светлячками, на западе объявилась полная рыжая луна, обрамленная пурпурным кантом. Призрачный багряный свет заливал землю, отчего пейзаж напоминал марсианские хроники, какими их изображают фантасты на красочных постерах. Человек втянул запах, прикрыл глаза. Перед мысленным взором объявилась молодая женщина с голубой сумкой. Каблучки цокают по асфальту, она спешит домой, ее сопровождает случайный попутчик, седой дядька с толстым портфелем. Они весело перешучиваются, идут через пустырь, до массива новостроек чуть менее километра.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий бэби... – ухмыльнулся человек, и рысцой побежал по пустынной дороге.

Водитель очнулся уже ночью. Сквозь разбитое стекло в салон автобуса втекал холодный воздух, призрачный свет луны отбрасывал тени на полу. Голова раскалывалась, шея была вывернута на бок, словно ее ломали железными пальцами. Он встал на ноги, огненная боль пронзила живот. Человек скрипнул зубами, по лбу катились горошины ледяного пота. Возле ног по счастью лежал сотовый телефон. Мужчина набрал номер, женский голос отчеканил.

– Скорая помощь, говорите!

– Автобусное кольцо, улица Ольховая, северо-запад. Ранен человек, приезжайте быстрее! – трубка выпала из слабеющих пальцев, и он вновь потерял сознание...

...Мужчина оказался веселым и безобидным попутчиком. Девушка не пожалела, что пришлось топтать лишнюю остановку. Он без умолку рассказывал анекдоты, причем новые, да такие смешные, что не хохотать было просто невозможно. Четверть часа вечерней прогулки пролетели незаметно, и она уже с сожалением поглядывала на очертания домов, серым массивом громоздящиеся за тополиной рощей. В тесной квартирке ждет угрюмый, вечно недовольный муж, который и ухажером был мрачным типом, но трезвая семейная жизнь превратили доброго, недалекого парня в истого человеконенавистника. Говорят, с «подшитыми» алкоголиками такое случается.

Девушка бросила короткий взгляд на собеседника. Веселый дядька, но староват! В отцы ей годится... Она громко вздохнула.

– Ну вот, я пришла! Спасибо за компанию.

– Позвольте ручку поцеловать! – он галантно приложился к девичьей кисти.

Женщина смутилась, и отдернула руку.

– Вы неподалеку живете? – спросила безо всякой цели, желая развеять неловкую ситуацию с поцелуем.

– Ольховая 12. Вон та высотка за сквером.

– Вот тебе раз! А я живу в десятом. Соседи...

– Может быть, это не просто случайность! – томно проговорил мужчина, и женщина не сумела сдержать улыбку. Седой ухажер, держащий в руке старомодный потрепанный портфель, выглядел нелепо. Сколько ему? Сорок пять? Пятьдесят? Между футболкой и поясом ремня, вылезает полоска розового солидного брюшка. Кавалер улыбнулся, и стал похож на сытого

енота. Она вдруг осознала, что дает мужчине надежду, стоя на пустынной вечерней улице под тусклым фонарем. Вот он и сопит, как тюлень перед случкой!

– Извините! – девушке стало за него стыдно. – Мне пора!

Она решительно повернулась, и зашагала вдоль тенистой дорожки парка. Щеки горели, сердце звонко стучало в груди. Надо же! Сучка похотливая... Завелась на старика, как кошка! Ей стыдно было сознаться, что мысли о супружеской измене с приходом весны стали все навязчивее. Женщина почти бежала бегом, пытаясь изгнать сладкий ноющий ком из груди. Решение пришло неожиданно. Если Толя еще не спит, сегодня будет интим! С тех пор как супруг бросил пить, сексуальные отношения происходят крайне редко. Она пересекла дорогу, аккуратно прижимая к груди сумку. Здесь еще не был проложен асфальт, дорога размокла после мартовских дождей, женщина медленно ступала по широкому настилу из досок, как кукла на высоченных каблучках. Вероятно, в свете багровой луны она выглядела весьма эротично. Черт побери! Двадцать восемь лет, а чувствует себя как старшеклассница на школьных танцульках!

За спиной послышалось громкое сопение, в нос ударил резкий запах. А провожатый оказался настойчивым парнем! Девушка не оборачиваясь, ускорила шаг, рискуя угодить в лужу. Сопение превратилось в сдержанное рычание, и сильный толчок в спину опрокинул ее на землю. Женщина инстинктивно выставила ладони, шею обожгло горячее дыхание. В одно мгновение ее пронзила догадка. Это не случайный знакомый из автобуса! А кто же тогда?!

Она повернулась, и громко закричала. Закрывая бешеную алую луну, над ее лицом зависла отвратительная рожа то ли человека то ли зверя. Ужасные глаза в темноте кажутся похожими на бездонные глазные впадины, губы изогнуты в дьявольской усмешке. Черное пятно на лбу напоминает карту Аляски. Почему Аляски?! Случайно запомнилось. В школе, она сидела за партой напротив географической карты мира, автоматически запомнила очертания стран и континентов. В голове промелькнула странная мысль. А где же седой ухажер? И тотчас, будто отвергая надежду на спасение, монстр прошептал.

– Сейчас начнется незабываемый секс, сучка!

Он говорил тихо, тонкие губы обметенные герпесом едва шевелились, женское лицо забрызгали кусочки сукровицы. Ее едва не вытошнило от отвращения, и вот тогда женщина испугалась по-настоящему.

– Толя!!! – закричала она, дернулась что было сил, но руки незнакомца были крепче стали.

– Зачем нам нужен Толя? – криво усмехнулся он, и закашлялся, хрипло, страшно, как больной пес. Он легко разорвал тонкое платье на ее груди, сжал обнаженную грудь. С невыразимым ужасом девушка ощутила биение горячей, твердой плоти на своем животе. Она закричала вторично. До освещенных окон домов не более сотни метров, кто-нибудь услышит и придет на помощь! Но сухая жестокая мысль охледила разгоряченный мозг. Не стоит на это рассчитывать, моя дорогая! Не то нынче время. Пустынный район, половина домов еще не заселена, до ближайшего отделения полиции три квартала. Месяц назад на их улице ограбили пожилую женщину, она также кричала и звала на помощь, но никто не покинул своих уютных гнездышек!

– От тебя хорошо пахнет... – монстр прижался носом к ее груди. – Запах страха... Очень хорошо! – не обращая внимания на отчаянное сопротивление жертвы, он легко сорвал с нее остатки одежды. Почему-то девушка отметила, что сырая земля холодит обнаженную спину. Она изо всех сил сражалась с насильником, но мысль работала вяло, буднично, словно все происходящее ее не касается. Интересно, а как она будет объяснять все случившееся мужу? И несмотря на липкий страх, сковавший все члены, где-то далеко внутри таилась гаденькая подлая мысль.

«Надо было почаще трахать свою молодую женушку, Толик! Говорят, что жертвы изнасилований подчас сами провоцируют насильников!»

Что за бред?! Кого она провоцировала, послушно, как верная жена, возвращаясь каждый вечер к унылому, располневшему, за зиму мужу?! Толик напоминал недовольного хомяка, бросил пить, все время что-то жевал, из-под засаленной майки выпирала неопрятное волосатое брюхо. Лжешь, голубушка! Кабы седой провожатый оказался на десяток лет моложе и свежее, ты бы небось уже резвилась в его холостяцкой избушке, не так ли?!

Неподалеку раздался громкий крик, монстр ослабил хватку, повернулся. Пользуясь передышкой, женщина изо всех сил ударила его кулачком в лицо, костяшки пальцев коснулись сухой, твердой, холодной плоти. Словно дотронулась до огромной ящерицы. Насильник не обратил внимания на удар. Он внимательно наблюдал за приближающимся героем.

Не выбирая дороги, разбрызгивая грязную воду в стоялых лужах, бежал седой дядечка. Он угрожающе размахивал своим верным портфелем.

– Класс! – прошептал насильник. – Этот гусь – твой любовник, дорогая?

Он отпустил жертву, поднялся навстречу мужчине.

– Скотина! Подонок! – задыхался от негодования человек. Он неловко размахнулся, и тотчас рухнул на доски оглушенный. В голову пришелся толчок такой силы, что защитник сел на попу, и ошалело крутил головой.

– Продолжим! – усмехнулся монстр. Он вцепился пальцами в кадык несчастного, и сильно дернул рукой. Густая черная кровь хлынула на землю, смешавшись с талой водой, мужчина, не издав ни звука, завалился на бок, ноги конвульсивно содрогались, брюки задрались, обнажив полоску темных носков, и сеточку голубых узловатых вен. Белые пальцы продолжали сжимать ручку верного портфеля. В том месте, где у отважного человека только что находился кадык, что-то хрипело, булькало и пузырилось. Как закипающий чайник. Кровь вытекала в лужицу, бурые разводы походили на пятна растекшейся нефти.

– Мне нравится такая жизнь! – воскликнул насильник. – Мне нравится такой кайф! На чем мы остановились? – он повернулся к женщине.

Дальше пришла мгла. Долгая, жестокая, мучительная, беспощадная. Сначала она кричала, звала на помощь мужа, проклинала его, просила прощения, потом охрипла, и тихо стояла. Зрение и слух будто выключила невидимая рука. Остались только боль, ужас, и ощущение тупого безразличия ко всему происходящему. Прошло время. Час, или больше, она не могла точно сказать. Порыв ветра принес крики, звук выстрелов, черная тень, мелькала среди высоких стволов деревьев, казалось, это бежит призрак. Над ней склонилась круглое как блин лицо, оно напоминало сумасшедшую красавицу луну, только ясные голубые глаза сверкают как лучи прожекторов.

– Фу, черт... Жива, но кажется без сознания!

– А мужчина?

– Мертв. По ходу, горло перерезали...

– Это не порез. Рваная рана... Петренко! Быстро вызывай скорую!

– Слушаюсь!

– И объяви всем постам розыск по микрорайону. Он не мог далеко уйти.

– Бегайте как спринтеры, товарищ капитан!

– Делай, что приказано!

– Слушаюсь!

Женщина хотела сказать, что она все слышит, но не успела. Она провалилась в спасительное забытие. Последнее, что она увидела, было неподвижное тело седого дядечки, лежащее ничком в глубокой луже, словно он намеревался напиться грязной воды. Он выглядел жутко и смешно, раскинув в стороны длинные руки, как бы желая в последнее мгновение жизни обнять

земной шар. Скрюченные пальцы сжимали ручку верного портфеля, будто там, внутри, хранились бесценные документы. И это тоже было смешно. Чувствуя накачивающую дурноту, она глупо улыбнулась, и провалилась в черное ничто, а луна неторопливо скрылась за рваными облаками, как взыскательный зритель на премьере, который просмотрел все самое интересное, и равнодушно покинул зал. Шоу закончилось. Два часа по полуночи...

Санкт-Петербург. 15 апреля. 7.00. Утро.

...Володька Лоренц продолжал улыбаться даже после того, как две пули из «Калашникова» разорвали его грудную клетку. Он и при жизни всегда улыбался. Весельчак, знал уйму анекдотов и побасенок, и мог на ходу придумать смешную историю, так что окружающие хохотали без остановки. Не надо быть медиком, чтобы понять, оба ранения смертельны. Стреляли с расстояния двести метров, пули должны были прошить их обоих, Сергея спас патронташ, висящий на груди товарища. Чересчур много случайностей, господин Авдеев, не так ли?! Вы верно в рубашке родились? Десятки боевых операций за плечами, и ни одного ранения... Везение – тот же талант!

Старенький движок внедорожника издавал надсадное рычание. Не отпуская руль, мужчина ощупал зажигалку. Скользнув по металлу, пуля ударила в бедренную кость, оставив безвредный синяк. Про такие вещи обычно пишут рассказы, сочиняют военные легенды.

Он выжимал педаль газа до упора, не глядя в обзорное зеркало. Спустя десять минут бешеной гонки, «лешие» отстали. Он очень проворны, но догнать автомобиль и Бену Джонсону не по силам. Пустыня закончилась внезапно. Джип миновал нагромождение красных скал, разбросанных по земле небрежно, будто ребенок великан наигрался с кубиками, и оставил их валяться как попало. Высокие пальмы робко жались друг к дружке, как сельские девчата на танцах. Воздух здесь был свежее, в нескольких километрах к востоку рычащие волны накатывают на берег. Находясь в пустыне в это трудно поверить. Кажется сухая, словно потрескавшаяся в ознобе красная земля, прозрачно синее небо, и белый раскаленный шар, зависший над головой, простираются бесконечно. Сергей кинул взгляд на часы. Двадцать одна минута... За спиной раздался едва слышный стрекот. Он аккуратно притормозил возле обочины. Операция завершалась успешно, если не считать ухмыляющегося за спиной Володьки Лоренца.

«Ловкий солдат должен за сорок пять секунд суметь выкурить сигарету, расстрелять обойму „калаша“, переспать с местной девушкой, и пасть смертью храбрых!»

«На кой ты полез за этими чипами, немец тупорылый?! От нас требовалось забрать колбы и свалить. Из за долбанных чипов мы выбились из графика, и нарвались на охрану!»

«Случайностей не бывает, дружище!» – демоническая улыбка не сходила с лица мертвого солдата, и это было страшнее всего. – «Меня редко подводит интуиция, ты знаешь, Авдеич...»

Вертолет поднял невесомую кучу сухого песка. Авдеев вышел из кабины автомобиля, пригибаясь от вихревого потока ветра, к нему бежали несколько человек. У высокого мужчины были аккуратно пострижены бачки, что делало его похожим на Элвиса Пресли. Он кинул безразличный взгляд на труп Лоренца.

– «Лешие» гнались?

– Так точно... Очень проворные сволочи!

– Сколько их было?

– Вначале трое, потом присоединились еще четверо. Двух я пристрелил рядом с базой.

– Все-таки смертны!

– Пуля в голову не оставляет шансов.

– Каким образом вас накрыла охрана?

– Это неплохие профессионалы. Не могу понять, какого рожна они выпустили «леших»...

– Думаю, в порядке эксперимента. Образцы не повреждены?!

Сергей молча протянул запаянную колбу.

– Отлично! Живо в машину! Времени в обрез!

– А как же он?

Люди громко кричали, перекрывая шум вертолета.

– Парни разберутся... На войне как на войне! Слышал такую поговорку, капитан? Немедленно садись в вертолет, это – приказ!

Авдеев зашагал вслед за двойником короля рок-н-ролла. Он старался не оборачиваться назад, но уже схватившись за поручень все-таки кинул взгляд на джип. Двое мужчин деловито обливали труп Лоренца из фляжки, пламя вспыхнуло с яростным ликованием, будто вырвавшийся на свободу дьяволенок.

«Ловкий солдат должен сгореть дотла за несколько секунд...»

Неуклюже раскачиваясь, вертолет оторвался от земли, машина уверенно набирала высоту, а на земле полыхал маленький яркий огонек, как оторвавшийся кусочек солнца...

Сергей проснулся неожиданно, словно от толчка. Он протянул руку, нащупал бутылку с водой, припал к горлышку. Вода была теплая и противная, плохо утоляла жажду, в горле застыл шершавый комок, и тотчас по пробуждении заболела голова. Давясь тошнотой, мужчина допил содержимое бутылки, и поднялся на ноги. За окном бушевала юная золотая весна, солнечные блики полоскались в черных лужах, словно стайка веселых чертенят. Мужчина накинул футболку, вышел в коридор, рассеянно погладил соседского пса по лохматой голове. Собака умирительно виляла хвостом-бубликом, радостно ухмылялась, подставляя под ладонь кудлатую голову.

– Похмелье, брат, – это такое национальное русское заболевание! – грустно пошутил Авдеев, легонько щелкнул пса по влажному носу, и направился в туалет. По личному опыту он знал, что лучшее средство от запойной мути – спорт. Превозмогая дурноту, вышел из уборной, вернулся в комнату, нашел спортивный костюм. Сиротливо брошенная ткань валялась в углу как мятая кучка никчемного тряпья. Сойдет и так! Не в его положении привередничать. Мужчина надел костюм, наскоро зашнуровал старенькие кроссовки, сунул в карман ключи, и выбежал на улицу.

Первый километр оказался нелегким испытанием. Сердце заходило в бешеной скачке, прокуренный воздух со свистом вырывался из легких, пот заливал глаза. Через пятнадцать минут изнурительного джоггинга, дыхание выровнялось, мышцы уверенно наливались силой. Сергей прибавил ходу. Он выбежал на набережную лейтенанта Шмидта, пересек мост, в темной воде тонуло яркое солнце. По реке шел ледоход, белые льдины важно проплывали вдоль набережной. Каменные львы вперили невидящие глаза в пустое синее небо. Вечные стражи города. Спустя сорок минут человек поднажал еще немного. Он свернул на 21 линию, и теперь бежал по направлению к парку. Городские власти в последние годы старательно благоустроивали исторический центр мегаполиса, не жалея казенных средств. Со слов циничного писателя Павла Горовца, «Наши вельможи умело осваивают денежные потоки!» Черт с ними, пусть осваивают! Важно, что дорожки в парке старательно очищали от снега среднеазиатские дворники, наверное, увидевшие этот снег впервые в жизни, и а рядом с детской площадкой, теперь возвышались турник и брусья, выкрашенные в нейтральный зеленый цвет. Ранее утро, в парке пустынно, граждане выгуливают собак, да на скамеечке притулились два джентльмена, выра-

жаясь языком того же Горовца. Промеж них, на досках, уютно расположилось початая бутылка портвейна. Сергей проглотил сухую слюну, и отвернулся. За несколько лет пьянства зависимость въелась в его натуру как старое масло в бутерброд! Ножом не отскребешь!

На исходе часа непрерывного бега, мужчина перешел на быструю ходьбу. Слава Всевышнему, «десяточку» он нынче «сделал»! Он слегка растянулся, стоя на сыром газоне. Ноги тотчас промокли, летний «ассикс» не предназначен для бега по талой земле. Стылое похмелье выходило наружу вместе со зловонным дыханием, как тухлый душок при отравлении. Человек сделал несколько глубоких вдохов, ухватился за перекладину, и подтянулся двадцать раз кряду. Совсем недурно, господин капитан, опосля полутора недель бесперебойного пьянства! Он медленно, чувствуя, как растягиваются разогретые сухожилия, отжимался на брусьях. Раз, два, три... Мысли поневоле возвращались ко вчерашнему разговору. Павел смотрел на товарища карими глазами смышленной немецкой овчарки.

«Вы тоскуете по старым, добрым временам, мой друг!»

«С чего ты это взял?!»

«Ваши очи загорелись пламенем, как у героя комикса. Не помните старый мультфильм про путешествие Нильса с дикими гусями? Домашний гусь Мартин так же глядел след улетающей стае. Надо полагать, вас беспокоили бывшие знакомые?»

«Вроде того...»

«Странные у вас друзья, Сергей Матвеевич! Они прячутся в тонированной машине, вместо того, чтобы выйти навстречу, и пожать руку! Что это может означать по вашему?»

«А как ты считаешь, Паша?» – усмехнулся мужчина.

«А тут и считать нечего! Эти господа в манерном автомобиле, не хотят, чтобы вы их видели. Вопрос – почему?! Коли они назначили встречу наутро, какого, прошу прощения дьявола, прятаться в машине?!»

«Вот такие у меня таинственные у меня друзья, господин Горовиц!» – Сергей пригубил из стакана, распрощался с писателем, и уехал домой. Больше он в тот день ничего не пил, рано лег спать, а мысли о предстоящей встрече гнал от себя прочь. Наверное, сказывалось действие многодневного пьянства, а оно, как известно, отлично притупляет страх. Но сейчас, вместе с тем, как улечивались из организма спиртовые пары, тревога медленно вползала в сердце, будто холодная, скользкая змея. Продолжая физические упражнения, он вел мысленный диалог с невидимым собеседником. Так легче думалось.

«Доброе утро, капитан! Слушай расклад. Незнакомец продиктовал адрес. Это странно. Если бывшего офицера беспокоили представители спецслужб, они не приглашают наймитов на квартиру, словно заказывают пиццу, или вызывают проститутку. Обычно встреча происходит на нейтральной территории. Парк, кафе, большой магазин... Улица Гороховая дом сорок девять, квартира три. Конечно, это не жилая квартира. Первый этаж. Надо полагать, офис, согласен?»

Сорок семь, сорок восемь...

– Пятьдесят!

Сергей шумно выдохнул воздух через ноздри, закончил отжиматься на брусьях, мягко, по-кошачьи спрыгнул на землю.

– Разогнал кровушку по затекшим мышцам... – пропел он себе под нос, желая отвлечься от назойливой тревоги, легкой трусцой побежал к дому. Пьющие джентльмены уговорили бутылочку портвейна, грелись на солнышке, как два стареющих бывалых кота. Пробегая мимо,

Авдеев поморщился. Все-таки, профессионализм не пропьешь! Он мысленно отработывал варианты предстоящей встречи, мускулы привычно работали, а мозг деловито перебирал варианты, отсеивал ненужное, вспоминал детали вчерашнего разговора.

«Ну и что ты на это скажешь, солдат?» – обратился он к слушателю.

«Все очень просто. И сложно. „Они“ пообещали вознаграждение, не озвучив сумму. Так не бывает. Психологический прием. Наемника следует немедленно увлечь деньгами, по ходу пьесы цифра может поменяться, но как известно, первое впечатление самое сильное. Почему? Ответ простой. Субъекты в джипе неплохо осведомлены на твой счет, приятель! Увлекающаяся натура. Таинственность важнее корысти. Следовательно, заказчиком является человек, который хорошо знает тебя лично. Таких осталось немного».

– Таких осталось немного... – повторил Авдеев вслух.

Когда он свернул с проспекта, от дома отъезжал черный шевроле тахо. Машина стремительно двигалась по шестнадцатой линии, номер был сокрыт от обзора едущим следом фургоном. Сергей хотел догнать загадочный автомобиль бегом, но передумал. Вдоль пешеходной зоны сновали прохожие, а петлять среди людей, как заяц, здоровому мужику, в мятом спортивном костюме, и седой щетиной на скулах, не хотелось. Сергей поднялся по лестнице, несколько секунд вслушивался в тишину. Глухо стучало сердце, и за входной дверью нетерпеливо повизгивала собака. Мужчина открыл дверь, пес радостно юлил возле ног, хозяева еще не проснулись.

– Должно быть, ошибся... – буркнул он себе под нос, прошел на кухню, достал из холодильника завидный шмат колбасы, пес щелкнул зубами, и поймал драгоценность на лету. Висящие на кухне часы показывали девять тридцать. Все по графику...

«Ты не ошибся, солдат, и сам это отлично знаешь!»

«Черт возьми! Черных „шевроле тахо“ в городе, как бродячих собак!

Говорят, во всем мире только русские и американцы предпочитают большие, прожорливые автомобили».

«Не лги себе! Это была та самая машина...»

Бриться было приятно, а контрастный душ изгнал остатки похмелья. Кожу приятно покалывали бодрые острые иголки, к тому же разыгрался зверский аппетит. К счастью в шкафу висела свежая рубашка, и отглаженный костюм, во время запоя брючная пара была как-то без надобности. Когда Сергей завязывал галстук, пальцы рук заметно дрожали. Но то был не симптом похмелья, и ощущение легкого куража перед встречей. Интуиция подсказывала старому военному, грядет что-то важное. Так просто, эти ребята слежку не организуют, хлопотно это...

Он соорудил яичницу из трех яиц с остатками колбасы. Большую часть завтрака выклянчила соседская собака, не сводя умиленных карих глаз с человека. Мужчина выпил две кружки горячего кофе, накинул свободный плащ. Куртка скорее подошла бы по сезону, но плотная ткань сковывает движения во время драки. До означенного незнакомцами срока оставалось сорок шесть минут. У него в запасе будет десять-двенадцать минут, для того чтобы осмотреться на месте. Капитан Авдеев чувствовал себя бодро, готовым к встрече. И только спускаясь по эскалатору в метро, он вспомнил комья синей грязи, прилипшие к бамперу шевроле. Номер не заметил, хотя помнил его отлично, а вот синяя нездешняя грязь висела на порогах сухой коркой. Вспомнил, и мысленно усмехнулся. Он снова в строю. Старые добрые времена возвращаются...

Перед тем как покинуть квартиру, он набрал номер телефона. Спустя шесть долгих гудков, ответил заспанный женский голос.

- Алло... Слушаю вас!
- Привет. Это – я.
- Узнала. Что ты хочешь?

Он закрыл глаза, и мысленно увидел бывшую жену. Пепельные волосы всклокочены, как воронье гнездо, в больших голубых глазах застыл страх. Наверняка она обернулась на входную дверь. Вдруг он стоит на лестничной площадке?! Почему-то ему стало смешно.

- Не бойся. Я трезвый.
- Хочется в это верить...
- Не помню, случая, чтобы я тебе врал.
- Я тоже не помню. Зачем ты звонишь?
- Как Ангелина?
- С ней все хорошо.

– Ладно. Мне предстоит небольшая халтура, скоро пришлю вам денег. Надеюсь, после этого ты разрешишь мне увидеться с дочерью.

– Ты уезжаешь? – в ее тоне прозвучала робкая надежда. Не обольщайтесь, мадам. Ваш бывший супруг – счастливчик. Не стоит надеяться, что его так быстро прикончат!

– Вернусь – позвоню! – отрезал Сергей, и отключился. Он хлопнул дверью, за спиной обиженно твякнул соседский пес. Мужчина быстро спускался по лестнице. Он пожалел, что позвонил бывшей супруге.

Ставрополь. 15 апреля. 12.30.

Кашей открыл глаза. Он не спал, а лишь на пару минут погрузился в дрему, и увидел чудесный сон. Опаленная солнцем земля, и чудесный оазис, раскинувшийся в самом сердце пустыни. Прозрачное изумрудное озерцо, наполненное ключевой водой, между пальм пляшут чернокожие голые девицы. Они тянут к нему свои бесстыдные толстые губы, груди трясутся как у стриптизерш, на шее висят цветные ожерелья. Он радостно хохочет, в вену вонзается тонкая игла. Негритянка понимающе кивает.

– Это самый гремучий кайф, что тебе доводилось испытывать, дорогой! – она целует его в губы, дрожь сладострастия сотрясает тело, жирная липкая жидкость течет по бедрам.

– Сладенький наш! Любимчик и красавчик! – вразнойой запели голые негритянки. Они прижимались к нему своими бедрами, мускусный запах, источают гладкие бедра красавиц, он сводит с ума несчастного наркомана.

Кашей помотал головой, видение исчезло, растаяло, растворилось как дым. Несколько секунд он ошалело крутил головой? Откуда пригрезилась такая картинка? Он никогда не выезжал дальше Ростова? Если не считать тамбовской губернии, где молодой человек сидел два года в тамошней колонии. Скверное время. Местные урки крепко опускали неопытного, доверчивого юношу. Сучья зона, беспредел. Сломанные ребра, да выбитый зуб так и остался в дремучих тамбовских лесах. Но с тех пор многое изменилось. А теперь Лешка Трутнев, хорошо известный на районе субъект под погрехом Кашей, владеет магией, которую не может дать ни один наркотик! Это и есть счастье...

– Хотел бы я сейчас встретиться с теми уродами... – он прошипел как разъяренная змея. Воспоминания о зоне, всякий раз вызвало в нем острый приступ ненависти ко всем этим успешным уродам, живущим бок о бок, появлялась гнетущая жалость к себе, и смутное ощущение неотвратимо приближающегося конца. Говорят, что на волю из далекого тамбовского края вслед за ним пришла малява. Мол де, имейте в виду, местные хлопцы. Рядом с вами теперь живет опущенный. Но в наркоманской среде это не имело значения. Однако предчувствие сладкой мести вызвало у человека тихий стон. Желание убивать, насиловать, калечить оказалось столь невыносимым, что причиняло физическую боль. Как на ломках...

Во рту застыл привкус крови и женской плоти, он машинально провел языком по пересохшим губам, и несколько раз часто, прерывисто икнул. Воздух в подвале густой и сладкий, как сгущенка. Его насыщают множество запахов, сотни мельчайших оттенков пронизывают тесное пространство. Нежными потоками они ласкают ноздри, от них кружится голова, и на лбу выступает испарина. Новые ощущения, новая жизнь...

И еще конечно свет! Он яркий, щемяще голубой, но совсем не такой как июльское небо жарким полднем, а много насыщеннее, синька разбавленная водой. Человек поднес к глазам ладонь. Кожа искрилась золотыми точками, они буравили плоть, впивались в естество, оставляя неповрежденными гладкие покровы. Он видит в темноте! Хороший кайф, честный кайф, благодать!

Он быстро сорвал с себя одежду. Нагота делала его совершенным. Каждая клеточка тела впитывала новую природу, источала энергию преобразования. Он – совершенен! Человек радостно рассмеялся. Он стоял обнаженный, посреди темного подвала, и ощущал себя властителем мира.

Из угла донесся едва слышный шорох. Кащей метнулся туда быстрее самого ловкого кота, и тотчас в его руках извивалась большая серая крыса. Некоторое время он внимательно изучал грызуна. В подвале было совсем темно, сквозь заколоченные окна свет не проникает с улицы, но человек без труда разглядел выпуклые черные глазки, блестящие как бусинки, дрожащий розовый нос, и седые, похожие на упругие проволочки, усики. Несчастное животное царапало коготками кожу мучителя, отчаянно пытаясь вырваться на свободу. Розовый, облезлый хвост судорожно обвил пальцы. Крыса оскалила острые резцы, и издала пронзительный свист. Кащей усмехнулся, сжал пальцы, и брезгливо отбросил в сторону расплющенное тельце. Убивать хорошо! Ему нравится убивать, чужая смерть придает силу, страдания жертв делают его свободным.

Хлопнула дверь, узкая полоска света разорвала непроглядную мглу подземелья.

– Фу, дьявол! Здесь ни черта ни видно!

– Там свет включается... Вон, протяни руку налево.

– Херня какая-то!

После недолгой возни, раздался сухой звук выключателя, зажглась лампочка, осветив помещение. На входе стояли две мужчин. Высокий худощавый, одетый в дешевый костюм мужчины, по виду прораб, и приземистый крепыш в джинсовой куртке. У коротышки на затылок сдвинута бейсболка, с рекламой кока-колы на козырьке. Он скептически осмотрел стены, потолок, и пару раз стукнул каблуком по каменному полу, будто намереваясь отбить чечетку.

– Под склад конечно подойдет, но в ремонт вложится надо!

– Да какой ремонт, Клим?! Побойся Бога! – горячился худой. – Тебе здесь не пироги, и не капусту хранить, а стройматериалы. Поменяешь дверь, окна сейчас досками забиты, их только застеклить и решетки поставить! Копеечное дело!

– Прибавь еще сигнализацию... – ворчливо заметил Клим. Он снял бейсболку, и вытер ладонью взмокший лоб. – А почему здесь такой запах?!

– Какой запах? – прораб вытянул длинный нос, и стал похож на подозрительную выдру. – Обычный подвальный запахок... – он ткнул носком башмака раздавленную тушку. – Крысы! Вот тебе и запах!

– Еще и крысы!

– А где ты видел подвалы без крыс? – худой дружелюбно рассмеялся.

– Все равно ты дорого хочешь за эту помойку! – убежденно сказал коротышка. – Цену надобно обмозговать! – мужчина хотел еще что-то добавить, и даже многозначительно нахмурил низкий лоб, но не успел. То, что он впотьмах принял за кучу лежалого мусора, вдруг превратилось в человеческую фигуру. Фигуру голую, грязную до отвращения, не человек, а персонаж из фильма ужасов. Он испуганно попятился назад, но фигура необычайно про-

ворно кинулась на прораба. От чудовищного удара в грудь, худого отбросило к стене, голова хрустнула как перезрелый арбуз, на пол брызнули капли крови. Клим всхлипнул, и опрометью кинулся бежать прочь из страшного подвала. Он запнулся за ступеньку, чуть не упал, но сумел сохранить равновесие, и теперь огромными прыжками летел вверх по ступеням. Ему вдруг стало так страшно, как не было никогда в жизни. Сердце заходило в бешеной скачке, мужчина хотел закричать, но спазм ужаса свел горло судорогой. Только мышцы ног звенели как струны, если бы таймеры зафиксировали скорость, с которой коротышка рванул по лестнице, был бы мировой рекорд! До спасительной дверцы оставались считанные шаги, когда железные руки стиснули шею. Клим открыл рот, чтобы позвать на помощь, в пяти метрах, за дверью урчали автомобили, доносились голоса прохожих. В щели под дверью струился солнечный свет, тонкая золотая полоска. Спасение было совсем рядом, но вместо крика, человек издал беспомощный хрип. Он протянул руки к дверной ручке, и покатился назад, увлекаемый дьявольской силой. Оказавшись внизу, на дне подвала, мужчина лежал на спине, и жалобно хрипел.

– Пожалуйста, отпустите меня! Я Вам заплачу! – его голос походил на звук испорченного магнитофона, сухой, трескучий, заезженный. А только что он так бодро торговался! Спасительная мысль озарила сознание. Это – ограбление! Конечно! Клим хотел было извлечь из кармана бумажник, но не мог высвободить руку. – Я заплачу! – истово прошептал мужчина, свято веря, что за деньги можно решить любую проблему, даже отсрочить смертный час. Цена вопроса.

Лицо грабителя было ужасно. Запекшиеся губы искривились в дьявольской ухмылке.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий бэби...

Едкий запах формалина ударил несчастному в ноздри.

– Нет!!! – закричал мужчина тоненьким женским голосом, сверху обрушился оглушительный удар, и наступила мгла...

Москва. 8 отделение Генерального штаба Российской Федерации.

Генерал пребывал в возбужденном состоянии. Он мерил шагами кабинет, дважды останавливался возле столика, порывисто наливал в рюмку коньяка, выпивал, залихватски кричал, и продолжал неумолимый бег по кругу. Выглядел он немного комично. Широкоплечий, коротконогий, с черными густыми бровями, и такой же смоляной богатой шевелюрой, которую пощадили годы. Лишь редкие серебряные нити просвечивали в жестоком ежике бравого вояки. От его беспрестанного движения в тесном кабинете поднялся небольшой ветерок, на столе дрожали зачищенные карандаши в стаканчике. От сверкания золотых генеральских погон, у Маркова начало рябить в глазах.

– Андрей Петрович! Прошу тебя остановись, присядь на минутку! – взмолился он.

Генерал встал как вкопанный, ожег черным взглядом старого товарища.

– Какого же черта ты молчал все эти годы, сукин сын?!

– Не было доказательств.

– А у американцев эти доказательства были?!

– Ты же смотрел видео...

– Видео! – передразнил мужчина. – Ты лучше остальных должен понимать, что могло случиться, если бы наши заокеанские «друзья» первыми получили сыворотку!

– Они ее и получили. Только не достаточно эффективную.

– Именно так, именно так... – проговорил он скороговоркой, и возобновил бег по кругу.

– У тебя так давление подскочит, Петрович! – Марков едва сдерживал улыбку.

– К черту давление! Это ведь сенсация, понимаешь, дружище!

– Понимаю. И не я один...

– Ты что имеешь в виду? – генерал нахмурился.

– Ситуация не из простых, – Иван Сергеевич с трудом подбирал слова. – Разработку препарата вначале проводили крупнейшие институты страны. Сам понимаешь, исследования велись в строжайшей тайне, но результат – ноль. Миллионы выброшены на ветер. Тогда мы и организовали операцию. Риск был слишком велик, официальные службы не имели права вмешиваться в суверенные дела независимого африканского государства. Для подобного рода операций обычно нанимались «специальные» люди. Отлично обученные, имеющие опыт работы в экстремальных условиях. Это – смертники. Долго не живут, но дело свое знают неплохо. В случае провала, противник обнаружит гражданина без имени, страны и отечества. Мы даже их трупы сжигали, а не забирали с собой! – он горько усмехнулся, налил коньяка, выпил, медленно сжевал дольку лимона. – Далее... Парни совершили невозможное, в той стране американцы проводили эксперименты над местным населением. Вводили рl-14 в микро дозах, и выпускали пошालить. В малых пропорциях сыворотка действует постепенно, эффект не ярко выражен, лица только чернеют словно головешки. Но сам понимаешь, по неграм и арабам это особенно не заметно. Таких подопытных называли «лешими».

– Почему «лешие»?

– Назвали их так в шутку, а слово прилепилось, наждаком не отодрать. Скорость бега инфицированного субъекта возрастает во много раз. Пустишь такого на олимпийские игры, он «золото» на всех дистанциях заберет. К тому же кожа темная, одним словом, – леший, а не человек! Странно другое. «Лешие» действовали организовано, будто меж собой имели телепатический контакт.

– Как это понимать?!

– Понимай, как хочешь. Рациями испытуемых не снабжали, сотовых, как ты понимаешь, у них тоже не было. Но стоило появиться одному, тотчас, словно из-под земли объявлялись остальные. Для вооруженных людей, «лешие» не представляли опасности, хозяева не снабжали их оружием...

– Пока не снабжали! – генерал многозначительно поднял левую бровь.

– Пока... – в тон собеседнику ответил Марков.

– До сего момента все ясно. Продолжай.

– Продолжаю. Короче говоря, мы добыли споры американского препарата, доставили его в наши лаборатории. Нужен был человеческий материал для опытов...

– Зеки? – полувопросительно кивнул генерал.

– Обычная практика, – сухо ответил Марков.

– Они умирали?

– Не так быстро. Но результат был слабо выражен. Там возник странный побочный эффект. Кроме потемнения кожных покровов, менялся характер инфицированных людей, говоря по простому, они становились жестокими, кровожадными, что ли...

– Уголовники редко похожи на Льва Толстого!

– Все так. Хотя сыворотка действовала на всех по-разному. Небольшой процент испытуемых оказался вовсе не подвержен разрушающему действию на личность, хотя изменения наблюдались.

– Например...

– У отдельных субъектов появлялись ранее несвойственные им привычки. Некоторые начинали курить, хотя никогда не курили раньше, возникала наркотическая тяга, и тому подобное. Человеческий внутренний мир – тема малоизученная, в нашей конкретной работе это не существенная деталь. Важно другое. Искомые сверх способности сыворотка PL-14 в микро дозах давала сомнительные, испытания не имели перспективы. Замкнутый круг. Высокая концентрация препарата людей убивает, на короткое время, превращая их в суперменов, низкая всего лишь выявляет скрытые дефекты души, ну быют они как Майк Тайсон, и бегают быст-

рее спринтера. Опять-таки меняется интеллект, но не в ту сторону, чтобы пичкать сывороткой ученых. Конечно, для психологов это интересно, но практическое применение – нулевое. Любой обычный стимулятор выгоднее и проще.

– А что дальше?

– Решено было прекратить разработки. Но часть имеющегося материала, я на свой страх и риск разослал по областным лабораториям. Прошло несколько лет, и вот безвестный гений из Ставропольского института находит совершенно новую версию препарата!

– Судьба... – медленно проговорил генерал. – То есть ты хочешь сказать, что секретности нам уже не сохранить?

– Не уверен. Важно другое. Нам нужны здоровые мужчины, для проверки «Красного жука». Пока все эти выкладки, графики и рисунки, не более чем теория.

– Не сомневаюсь, что ты уже нашел кандидатуру! – одними губами улыбнулся Андрей Петрович, но глаза его пристально и сурово смотрели на собеседника.

– Пока об этом говорить преждевременно... – уклончиво ответил Марков.

Генерал опустил в кресло, и задумчиво барабанил пальцами по кожаному подлокотнику.

– Что есть такого, что ты мне еще не сказал, Иван Сергеевич? – медленно, будто размышляя вслух, спросил он.

– Есть одна неприятная деталь, – неохотно кивнул мужчина, и плеснул себе коньяка на самое донышко рюмки.

– Американцы, – почти утвердительно кивнул генерал.

– Так точно. Мы считаем, что они продолжали разработки PL-14. И я могу лишь предполагать, какого результата они добились. По имеющимся данным, за минувшие годы, в некоторых странах мира, включая Россию, осуществлялись экспериментальные диверсии. По сути дела, ничего серьезного, важно другое. Очевидцы описывали чужаков, сильно напоминающих «леших». Более того... – он тронул губами пахучую жидкость. – Я убежден, что некто, находящийся сейчас в соседнем кабинете очень внимательно выслушал доклад о ставропольском открытии.

Андрей Петрович придирчиво оглядел свой мундир, смахнул с лацкана несуществующую пылинку.

– Надо доложить обо всем президенту... – сказал он, но как-то вяло, будто размышляя вслух.

– Я бы не стал пока этого делать, – с деланным равнодушием ответил Иван Сергеевич. Он сделал нажим на слово «пока». – До окончания результатов эксперимента. Знаешь, плохая это примета – рассказывать о деле до его завершения.

– Хорошо. Я подумаю. А что скажем остальным?

– То же, что и прежде. Ведутся разработки, о результатах обязательно будет сообщено дополнительно.

– Едва ли их устроит такой ответ, – покачал головой генерал. – Тот же Еременко всю душу вынет. Въедливый черт!

– На этот случай ставропольский проект курирует некто Хорьков. Это мой человек. Он таких дотошных как Еременко ест на завтрак вместо яичницы. Все вопросы к нему! Каждый желающий получит координаты для связи.

– Спрашивать кто это загадочный «некто» не имеет смысла? Все равное не скажешь!

– Всему свое время, дорогой генерал! – лучезарно улыбнулся Марков.

– Ну и личный вопрос, Ваня! – Андрей Петрович лукаво по домашнему улыбнулся, но взгляд его казался, готов был проникнуть товарищу в самое сердце. – Почему ты собрал представителей ведомств, а не рассказал мне лично? Надеешься подстраховаться в случае провала?

– От тебя ничего не скроешь! – деланно рассмеялся полковник. Он вытер ладонью со лба капли пота. Бледные тени легли на землистое лицо. Мужчина выглядел намного старше своих лет, пальцы рук дрожали, на виске вибрировала синяя жилка. – Есть мнение осуществить небольшой эксперимент в естественных условиях.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотреть, как действуют «лешие» в реальном бою. Согласись, соблазн велик!

«Постарел гвардеец! Или болен. Разучился грамотно подавать информацию!» – генерал многозначительно покачал головой, словно не понимая, о чем собственно идет речь, и решительно хлопнул по столу ладонью.

– Мудреная идея. Жертв не избежать?

– Лес рубят, как говорится...

– Избавь меня от пошлых сентенций, дружище. А откуда тебе известно, что «лешие» ввяжутся в заварушку?

– Интуиция. И потом, это те малые детали, которые я предпочел бы разработать самостоятельно, – уклончиво ответил Марков.

– Ладно! Пойдем к людям, а пока будь по-твоему. Когда ты намереваешься получить... – он запнулся. – Получить результаты работы?

– В ближайшие сутки! Я рад, что мы верно друг друга поняли, Петрович! – человек пригладил седые бачки, и впервые за все время разговора широко улыбнулся, отчего сухое, вытянутое, как растекшийся по сковороде блин стало вполне милым и привлекательным.

Ставрополь. 15 апреля. 07.25.

За минувшую ночь Травкин почти не сомкнул глаз. Сквозь прозрачную тюль на окнах, ярко светила назойливая красная луна, круглая и блестящая, как гигантская медная монета, а в голову лез всякий вздор. Накануне он пожертвовал собственную кровь для получения плазмы, девчонки лаборантки, напуганные страшным лицом миролюбивого шефа, крутили в центрифуге пробирку с жидкостью. Время вызревания споров сыворотки – восемь-десять часов. Оставалось только ждать. Он маялся в лаборатории допоздна, и ушел, лишь когда уса-тый, похожий на боевого моржа вахтер, принялся угрожающе греметь связкой ключей над ухом. Впрочем, со вчерашнего дня вахтер служил номинально. Возле здания института кругло-суточно дежурили черные машины, а у дверей лаборатории неотлучно находились пара дюжих молодцов в костюмах. Они были похожи на братьев близнецов, и несмотря на кокетливые взгляды девиц, оставались бесстрастными как два накаченных манекена. Когда поздно вечером Травкин покидал институт, к нему тотчас подкатила одна из таких машин, и вежливый казен-ный голос приказал уважаемому Алексею Семеновичу немедленно сесть в салон джипа. После того как молчаливый водитель отвез его домой, автомобиль остался дежурить возле парадной. Нельзя сказать, что такое соседство улучшило и без того тревожное состояние молодого уче-ного.

Солнце окрасило верхушки могучих тополей розовой пеной, робко запели первые птицы, мужчина отверг безуспешные попытки заснуть, протер кулаками воспаленные глаза, и потопал в ванную. Десять минут ледяного душа, и три чашки крепчайшего черного кофе слегка его взбудрили. Он выглянул в окно. На улице пустынно, черная машина стоит на прежнем месте. Опустилось тонированное стекло, изнутри высунулась рука, и опорожнила пепельницу полную окурков.

– Не человек, а терминатор какой-то! – вздохнул Травкин, наскоро оделся, и вышел из парадной.

Ласково шелестела молодая листва, утренний воздух был свеж, пах зеленью и росой. Хотелось раздеться донага, и упасть в высокую траву, чтобы нежная зелень впитала боль, страх

и усталость. Мужчина решил пройти до института пешком, подумать, развеяться – после бессонной ночи и лошадиной дозы кофеина сердце трепыхалось где-то в горле, а голова гудела как колокол. Однако джип немедленно двинулся следом за ним, дверца распахнулась.

– Садитесь в машину, Алексей Семенович!

Водитель выглядел также бодро, каким был накануне вечером.

– Вы принимаете стимуляторы? – раздраженно спросил ученый.

– Сядьте в машину, пожалуйста! – голос ровный, мерный, будто говорит не человек, а робот.

– А если я откажусь?!

– Не советую, – на бесстрастном лице промелькнуло нечто отдаленно напоминающее улыбку. Хотя едва ли. Автоматы не умеют смеяться.

– Вы примените силу? – высокомерно хмыкнул Травкин. Он был на пол головы выше приземистого охранника, и на добрый пяток килограмм тяжелее. К тому же в юности занимался вольной борьбой, да и сейчас, на исходе третьего десятилетия мог несколько раз выжать гири двухпудовки.

– Уверен, что до этого дело не дойдет! – водитель говорил с ледяной вежливостью вышколенной прислуги. – Прошу в машину, Алексей Семенович! – на сей раз в тоне отчетливо прозвучали приказные нотки.

– Пошел ты к черту вместе со своей таинственной организацией! – крикнул покладистый ученый. Сказывался и недосып, и две чашки кофе взвинтили нервы до предела, но более всего он разозлился на этих бездушных автоматов. С какой стати кто попало будет распоряжаться его маршрутом?! Захочет, и вовсе не работу не пойдет! С тех пор как ему удалось «поймать» новую фазу деления «Красного жука», жизнь превратилась в сущий кошмар. Он работает, ездит домой, ест, пьет, и даже отправляет естественные надобности под неусыпным контролем безликих мужчин в костюмах. Конечно, важнейшее открытие, значение которого трудно переоценить, но зачем же стулья ломать, цитируя гоголевского персонажа?! Хотя если говорить честно, ничего принципиального нового он не открыл. Идею PL-14 предложил московский ученый Райхель. В то время Травкин закончил университет, и учился в аспирантуре. Он дважды видел Райхеля, обычный, плешивый дядечка в пиджаке с замусоленными рукавами старенького пиджака, он преподавал на соседней кафедре. Говорили о нем, как о чудаковатом гении. Кажется, он вскоре эмигрировал. . . Молодой ученый буквально заболел идеей создания сыворотки. И вот, спустя несколько лет на адрес Ставропольского института пришла посылка со спорами препарата. Отправитель неизвестен, прямо-таки детективная история! С тех пор началась новая жизнь. Травкин потерял покой и сон. Ему как Менделееву приснилась заветная формула очищенного препарата, но молодому ученому не повезло в отличие от бородастого химика – сон оказался пустышкой. Искомый результат нашелся случайно. Не было никакого озарения, творческого экстаза, и тому подобной околонуточной требухи. Только нудная, кропотливая работа, изо дня в день. И в результате неисчислимого количества экспериментов, объявился относительно стабильный образец. После пробной дозы мыши не погибали в течении получаса, а становились необычайно активными, также заметно повышалась агрессия животных. Хотя, несомненно, продолжительность жизни подопытных животных заметно сокращалась, и все же это был небывалый прогресс! Удивительно, но простейший аргинин оказывал на PL-14 стабилизирующее действие. Правда, уровень активности банального герпеса возрастал десятикратно, но это мелочи, на которые не следовало обращать внимания. Травкин немедленно отрапортовал в Москву, и спустя двенадцать часов, на пороге его кабинета объявился бледный как смерть, и такой же бесстрастный господин. Вечно застегнутый на все пуговицы, в неизменном, твердо повязанном галстуке мсье Хорьков. С первых минут общения, ученый ощутил непривычную робость при виде высокого гостя, хотя тот ничем особенно страшным не выделялся. Быть может психологическая несовместимость типов личностей, или

Хорьков обладает даром гипноза как Вольф Мессинг, не известно. И вместе с ним в институте объявились клишированные красавцы. Они не вмешивались в работу сотрудников, вели себя предельно вежливо, сухо, корректно, как хорошо дрессированные доберман пинчеры. С их приходом, дружеская, шутливая атмосфера, царящая в лаборатории, исчезла, уступив место напряженным, трудовым будням. Раньше сотрудники обращались друг к другу запросто по имени, с приходом варягов, сами по себе возникли неуклюжие отчества. И лица ученых приобрели то скорбно-постное, сочувственное выражение, которым так гордятся работники похоронных бюро.

– К черту! – со вкусом повторил ученый, смакуя мгновения триумфа. – Пойду пешком, и ничего ты мне не сделаешь! – буйный хмель свободы ударил в голову, как молодое вино. Он демонстративно подхватил портфель, и зашагал по асфальту, наслаждаясь свободой, и гордясь собственным мужеством. За спиной тихо хлопнула дверь машины.

«Сейчас начнет уговаривать!» – мстительно подумал Травкин. – «Хрен вам всем! Надо-ели!»

Он шагал по пустынной аллее парка, залиvisto пели птицы, солнечные лучи нежно гладили ладонями шершавую листву. Между деревьев промелькнула черная тень, и тотчас скрылась в кустарнике. Нечто быстрое, отдаленно похожее на человеческий силуэт. Неожиданно мужчине стало не по себе, но он беззаботно тряхнул головой, и пошел дальше, широко размахивая портфелем. После развилки тропа уходила вглубь парка, высоченные деревья великаны распростирали могучие руки, как гигантские змеи они оплели кряжистые ветви. Сквозь полог густой листвы, сюда почти не проникал солнечный свет, вдоль аллеи росла высокая, трава. Вновь сбоку возникла расплывчатая тень, теперь уже совсем рядом. Хрустнула сухая ветка, возмущенно галдели сороки, стайка птиц поднялась с насиженного места, черными мушками они кружили над кронами деревьев. Ученый остановился. По спине побежали колкие мурашки.

– Собака, наверное... – произнес он вслух, желая себя подбодрить. Голос прозвучал слабо, неуверенно, будто тополиная листва поглощала звуковые волны. Травкин набрал полную грудь воздуха, и крикнул. Эхо задохнулась в густой листве.

– Галлюцинация! – насильно пошутил человек, и двинулся дальше. Он знал этот парк как свои пять пальцев, по выходным совершал здесь пробежки. Через триста метров начнется широкая развилка, за ней центральная аллея, оттуда рукой подать до проспекта. Если затаить дыхание, то можно услышать рокот проезжающих грузовиков. Мужчина напряг слух, но тишину нарушали только биение собственного сердца, и навязчивый гул в ушах.

– Ерунда какая-то! – он весело свистнул, и ускорил шаг. Дорогу пересекла рыжая белочка, зверек зыркнул на незнакомца блестящим глазом, и нырнул в заросли репейника. Симпатичное животное вызвало улыбку на лице человека, он хотел пошутить над своими детскими страхами, и в ту же секунду, хлесткий удар в челюсть сбил его с ног. Лязгнули зубы, перед глазами поплыл розовый туман, рот наполнился горячей кровью. Он попытался встать на ноги, чувствуя сильнейшее головокружение. Яростный крик будто прилетел с неба, и обрушился как камень, выпущенный из пращи.

– Лежать!!! Не двигаться! Лежать на месте!

Все дальнейшее было похоже на старинную киноленту, прокрученную в замедленном формате. Травкин увидел, как по тропе не бежит, а скользит его телохранитель. Ноги едва касаются земли, плавным, не лишенным изящества движением, он расстегивает пиджак, подмышкой угрожающе топорщится черная кобура. Расплывчатая тень оказывается на его пути. Скорость ее перемещения поразительна, но водитель не пасует. Одним прыжком он преодолевает широкую канаву, пистолет зажат в двух руках, как у героя боевика, из крошечного черного дула вырывается желтый огонек. В это трудно поверить, но тень успевает пригнуться, пуля выбивает острую щепу из ствола могучего дуба.

– Что за черт... – ученый сплюнул на землю кровавую жижу, машинально ощупав языком шатающийся клык. И тотчас его накрывает воздушной подушкой звук выстрела. Закладывает уши, но зрение становится резким и отчетливым как прежде. Он успевает увидеть, как черная тень метнулась в кусты, и уже через секунду, где-то далеко хрустнула сломанная ветка. Водитель стреляет вторично, и прячет пистолет в кобуру. Только после этого, он нагнулся к раненому, быстро и профессионально ощупал шею и скулу. Мужчина почти не запыхался от бега, только лоб прочертила глубокая морщина, и на виске часто пульсирует тонкая голубая жилка.

– Я ведь просил вас, Алексей Семенович, сесть в машину! – проговорил он тоном нудного школьного преподавателя, легко, как пушинку подхватил стокилограммовую тушу кандидата наук на руки, и зашагал к выходу из парка.

В салоне автомобиля мужчина достал из бардачка чистый платок, и протянул его Травкину.

– Как вы себя чувствуете? Голова кружится, тошнит? – в голосе звучала искренняя забота, ученый ощутил угрызения совести. Парень по виду его ровесник, а хлопчет как добрый папаша!

– Все нормально. Спасибо. Уже гораздо лучше... – он потрогал шатающийся клык. – Чем это он меня так?

– Кулаком. Куда вас отвезти Алексей Семенович?

– На работу. Сегодня должны вызреть новые споры. Думаю, мне удастся модифицировать сыворотку до оптимального уровня. Я надеюсь получить до сорока миллионов единиц продукта! Представляете?! – зуб шатался, и он забавно шепелявил, но не мог остановиться, когда начинал рассказывать про «Красного жука». Что-то хрустнуло в шее, голову ожгло болью, ученый замолчал, поняв, что малограмотный телохранитель вряд ли поймет о чем он толкует.

– Извините меня. Я так увлекся созданием новой версии препарата, даже не поблагодарил...

– Не о чем говорить. Это моя работа. Вы – выдающийся ученый, Алексей Семенович! Вам следует себя беречь!

– Спасибо на добром слове, всего лишь кандидат наук... А как вас зовут?

– Антон. – человек внимательно огляделся по сторонам, включил зажигание, машина бесшумно покатила по асфальту. Травкин бережно ощупал скулу. Губа почти не кровоточила, приступ головной боли прошел, а вот зуб едва держится в лунке. Придется идти к стоматологу. Как можно нанести удар такой силы обычным кулаком?! Он даже не успел разглядеть нападавшего, насколько быстро тот перемещался! Чудеса! Вероятно, действие наркотиков. Говорят, сейчас появились новые психотропные вещества, нечто вроде стимуляторов.

– Этот парень оказался слишком шустрым!

– Более чем, – Антон вывернул на главную дорогу.

– Наверное, бывший боксер. Такой удар, словно лошадь лягнула!

– Вполне возможно, – по каменному лицу человека невозможно было угадать, о чем он думает на самом деле.

– Вы стреляли в него?

– В данной ситуации я не видел иного выхода.

– Да уж... – протянул Травкин, и уставился в окно. Чтобы разговорить этого робота, надо обладать способностями умелого психотерапевта. Кандидат наук такими навыками не владел.

Автомобиль припарковался у входа в институт. Здесь уже дежурили две такие же машины. Ученый плохо разбирался в моделях, но надо уж быть полным олухом, чтобы не различать «форд» представительского класса. Дело серьезное, коли возле провинциального института паркуются такие шикарные тачки! И все с московскими номерами. Важные шишки! К стеклянным дверям немедленно приник усатый вахтер, угрюмое лицо было насуплено. Время раннее, а ученый народ публика беспокойная и совершенно бесполезная, на его житейский

взгляд! Вон и этот умник приперся на службу не свет, ни заря! Старик недовольно гремел связкой ключей, косясь на лощенные черные автомобили.

– У меня к вам просьба, Алексей Семенович! – Антон достал из кармана маленький сотовый телефон. – Возьмите это!

– У меня есть трубка!

– Возьмите! В этом телефоне забит только один номер. Прямая связь со мной лично, или с моим напарником. Набирать номер не надо, достаточно нажать вот эту красную кнопку...

– Для чего достаточно?! – ученый подозрительно ощупал крохотный аппарат, скорее похожий на детскую игрушечную рацию. С трудом верилось, что нажав пунцовую, как пожарная сигнализация кнопку, можно наладить связь.

– Например, если возникнет опасная ситуация, вроде той, что случилась в парке. Или вам покажется, будто что-то идет не так, немедленно нажимайте кнопку. При любой опасности либо нестандартной картине, воспользуйтесь рацией. Где бы вы не находились, дома, на работе, в ванной, или в уборной. В трубе встроена система наведения, я буду знать, где вы находитесь.

– Стоит ли наводить панику из-за одного наркомана?!

– Я очень вас прошу отнестись серьезно к моей просьбе. В парке на вас напал не обычный злоумышленник, – Антон протестующе поднял ладонь. – Больше я ничего говорить не буду. Закончим на этом. Держите трубку. В армии служили?

– Младший сержант запаса! – не без самодовольства объявил Травкин. Ему нравилось вспоминать армейскую службу, и прихвастнуть, что в московский университет он поступил уже двадцатилетним молодым мужчиной.

– Вот и славно. А я – майор. Это – приказ, если угодно!

Травкин взял маленький аппарат, рассеянно сунул его в карман брюк, вышел из машины, и медленно зашагал к дверям института, чувствуя затылком цепкий взгляд нового товарища. Видимо похожие эмоции испытывали приговоренные, когда их вели на эшафот, а в спину были нацелены мертвые дула винтовок. Просто так из Москвы майора не пришлют! Не говоря уж о Хорькове... Дверь распахнулась.

– Нет им покоя ни днем, ни ночью... – ворчливо буркнул вахтер.

– Доброе утро, Петр Иванович! – рассеянно кивнул ученый, погруженный в свои невеселые мысли.

– Кому доброе, а кому и не очень! – отрезал старик.

– Что-нибудь случилось?

– А будто вы не знаете? Увольняют меня!

– Что значит «увольняют»?! Кто увольняет? И за что?!

Петр Иванович работал вахтером и ночным сторожем по совместительству с незапамятных времен. Старейший работник института.

– Говорят, теперь здесь будет вооруженная охрана. Круглосуточно! Кому нужен ворчливый одинокий дед? – он украдкой вытер слезящиеся глаза, и сгорбившись, побрел по длинному коридору. Травкин с тяжелым сердцем глядел вслед человеку. Вооруженная охрана... Он провел ладонью по густым волосам, и зашагал по лестнице. В следующую минуту мужчина забыл и про вахтера и про смешную рацию с кнопкой. Говорят, великие ученые эгоистичны как дети и кошки. Они думают только о себе. В лаборатории уже хозяйничала хорошенькая Люда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.